

INSPIRIA

ДЖО ХИЛЛ

ПОЛНЫЙ ГАЗ

АВТОР
«NOS4A2. НОСФЕРАТУ»
И «КЛЮЧИ ЛОККОВ»

INSPIRIA

Universum. Дом монстров

Джо Хилл

Полный газ

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хилл Д.

Полный газ / Д. Хилл — «Эксмо», 2019 — (Universum. Дом монстров)

ISBN 978-5-04-111831-0

Премия Audie Awards 2020. Шорт-лист премий «Локус» и «Гудридс». Автор бестселлеров New York Times «Пожарный», «NOS4A2. Носферату», «Ключи Локков» и «Странная погода» возвращается с новой мрачной коллекцией из завораживающих повестей и захватывающих рассказов, включая два рассказа, написанных совместно со Стивеном Кингом, и две истории, по которым уже сняли художественные фильмы. В них Джо Хилл мастерски препарирует человеческую жизнь и открывает для читателя дверь в фантастический мир.

Мир, в котором в озере можно найти плезиозавра, где мертвые ждут книжные новинки, где банды байкеров танцуют зловещие танцы, а в высокой траве вас подстерегает смерть. Гипнотизирующая и тревожащая одиссея по скрытым уязвимым местам и мучительным тайнам человеческой психики.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111831-0

© Хилл Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Полный газ	15
Карусель	36
Станция Вулвертон	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джо Хилл Полный газ

Владыке грез.

Райан Кинг, я тебя люблю

Joe Hill

FULL THROTTLE

Copyright © 2019 by Joe Hill.

All rights reserved.

Published by arrangement with Harper, an imprint of HarperCollins Publishers

Jacket art and illustration by Alan Dingman

© Н. Казанцева, перевод на русский язык, 2020

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2020

© А. Панасюк, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

А кто у нас папа?

Каждую ночь мы имели дело с новым чудовищем.

У меня была любимая книга: «Откуда берутся плохие парни». Толстый сборник комиксов, и, как можно догадаться из названия, про героев там не говорилось ничего. Нет, книга включала антологию историй о худших из худших, о злодеях-психопатах с именами наподобие *Мерзость* и лицами под стать именам.

И моему отцу приходилось каждый вечер мне это читать. У него просто не было выбора, вроде сделки Шахерезады. Перестань он читать, я бы ни минуты не оставался в постели. Я бы сразу вылез из-под одеяла с картинками из «Звездных войн» и пошел бродить по дому в трусах со Спайдерменом и с любимым замызганным покрывальцем через плечо; я слонялся бы повсюду и сосал большой палец. В подходящем настроении я мог бродить всю ночь. Так что папе приходилось читать до тех пор, пока у меня не закрывались глаза, – и даже тогда ему удавалось уйти только с обещанием, что он сейчас покурит и вернется.

(Мама утверждает, что причиной моей детской бессонницы стала травма. В пятилетнем возрасте я получил совковой лопатой в лицо и провел сутки в больнице. Это была эпоха ламп с парафином и пушистых длинноворсовых ковров; тогда курить в самолетах разрешалось, а родителям ночевать в палате вместе с травмированными детьми – нет. Так что в середине ночи я проснулся в одиночестве, не обнаружил родителей и попытался удрать. Медсестры перехватили меня, когда я брел по вестибюлю с голой попой, посадили в детскую кроватку и заблокировали решетку, чтобы я снова не выбрался. Я кричал, пока не сорвал голос. Это настолько удивительно кошмарная готичная история, что, полагаю, все согласятся: она не может не быть правдой. Я лишь надеюсь, что одна из медсестер, склонившись над черной и ржавой кроваткой, в которой я рыдал, прошептала: «Смотри, Дэмиан, это все ради тебя!»)

Мне нравились персонажи из «Злых парней»: они визгливо требовали что-то невозможное и впадали в ярость, когда у них не шли на поводу; они ели руками и рвались покусать врагов. Конечно, я их любил. Мне было шесть лет, и у нас было много общего.

Папа читал мне эти истории, ведя пальцем от картинки к картинке, так что мой утомленный взгляд мог следить за действием. Если бы вы спросили меня тогда, на кого похож Капитан Америка, я бы сказал: на моего папу, ведь он говорит точно так же. И маг Дормамму тоже. А еще Сью Ричардс, Женщина-невидимка, – она тоже говорила специальным, тонким папиным голосом.

Мой папа – это были они все, каждый из них.

Большинство сыновей можно разделить на две группы.

Есть мальчики, которые смотрят на своих отцов и думают: *«Я ненавижу этого чертова сукина сына! Богом всемогущим клянусь, я никогда не буду таким, как он!»*

А есть те, кто мечтает вырасти и стать похожим на отца: таким же свободным, таким же добрым, таким же надежным. В этом случае ребенок не боится подражать отцу в словах и поступках. Он боится только, что у него не выйдет.

Мне сдается, первая категория – это каждый ребенок, который потерялся в тени своего отца. Возможно, такой вывод кажется странным, противоречащим логике. В самом деле: парень глядит на отца и мечтает держаться от него во всех смыслах как можно дальше. Какое расстояние вы должны оставить между собой и своим стариком, чтобы окончательно освободиться?

И однако же на каждом перекрестке своего жизненного пути такой парень обнаруживает, что за его спиной стоит тот самый отец: на первом свидании, на свадьбе, на собеседовании при

приеме на работу. В любой ситуации выбора он примеряет, как поступил бы отец, – и делает ровно противоположное. И противостояние будет длиться и длиться, даже если отец и сын не разговаривают годами. И к чему хорошему это приведет?

А сын из второй категории, слышав строчку из Шекспира: *«Как радуется отца на склоне дней наследников отвага молодая»*, – кивает и думает: ах, черт, как же это верно! Он всю жизнь счастлив: ужасно, бесчестно, банально счастлив. Он волен быть каким желает; он свободен быть свободным, – ведь его отец таким и был. И отец не отбрасывает свою тень на всю жизнь сына. Он, наоборот, становится источником света, и этот свет позволяет увидеть окружающий сына мир чуть более ясно, найти свой собственный путь.

Я стараюсь помнить, как счастлив я был все это время – и как счастлив до сих пор.

В наши дни мы считаем – и это как бы само собой разумеется – что, если нам нравится фильм, мы можем посмотреть его снова. Купить на «Айтюнс», скачать на «Нетфликс», купить диск со всеми дополнительными видеоматериалами.

Однако до года примерно тысяча девятьсот восьмидесятого, если ты посмотрел фильм в кинотеатре, ты, скорее всего, больше ни разу его не увидишь – разве только покажут по телевизору. Ты мог лишь прокручивать в своей памяти сцены оттуда – непрочный, хрупкий, неверный формат, хотя не совсем уж лишенный пользы. Изрядное число фильмов в тумане наших воспоминаний кажутся лучше, нежели наяву.

Когда мне было десять, папа принес домой устройство с лазерным диском, предшественника современных ди-ви-ди. Он тогда приобрел три фильма: «Челюсти», «Дуэль» и «Близкие контакты третьей степени». Двадцать минут счастья на каждой стороне диска. Когда двадцать минут истекали, отцу приходилось вставать и переворачивать диск.

И в то лето мы смотрели «Челюсти», и «Дуэль», и «Близкие контакты третьей степени» снова и снова. Диски лежали не по порядку: мы смотрели двадцать минут про инопланетян, потом двадцать минут, как белая акула откусывает половину человека. Такое лоскутное одеяло. А что? Обезумевший человек ищет спасение от хищника и обращает глаза к темным небесам. Нам нравилось.

Когда тем летом я шел на озеро, то нырял и под водой открывал глаза. Я был уверен, что сейчас увижу, как из густого мрака на меня бросается огромная белая акула. И слышал собственный истошный визг, много раз. А стоило мне остаться в детской, я с ужасом ждал, что мои игрушки заживут уродливой, сверхъестественной жизнью – под действием излучения, порождаемого НЛЮ.

И всякий раз, когда мы ехали куда-то с папой, мы играли в «Дуэль».

Снятая Стивеном Спилбергом, которому на тот момент исполнилось двадцать, «Дуэль» рассказывала о слабаке и неудачнике из Плимута (Деннис Уивер): в калифорнийской пустыне его преследует невидимый водитель на тяжелом грузовике. Мы не видим преследователя, слышим только рев мотора. Потрясающая работа, показавшая гигантский потенциал режиссера!

Так вот, когда мы с папой ехали на машине, нам нравилось представлять, что тот грузовик где-то у нас за спинами. Едва он настигал нас, папа вдавливал в пол педаль газа. А я дергался на пассажирском сиденье и принимался орать. И конечно, никакого ремня безопасности. Какой был год – восемьдесят второй, восемьдесят третий? Да, и между нами на сиденье – упаковка пива... и когда папа приговаривал очередную банку, она летела из окна на дорогу. Вместе с сигаретой.

Наконец грузовик давил нас в лепешку, и папа издавал пронзительный вопль; машина виляла туда и сюда по дороге – это должно было означать, что мы мертвы. Папа мог целую минуту сидеть с вываленным языком и сбитыми набок очками – для полноты образа. Так мы ездили вдвоем: преследование, удар, смерть на дороге – отца и сына вместе. И фура – воплощение Зла и Рока.

Хорошее было время, да.

Папа читал мне про Зеленого Гоблина, а мама – «Нарнию». Ее голос умиротворял (как и сейчас, впрочем), словно первый в году снегопад. Она читала про предательство и жестокую резню ровно с той же спокойной безмятежностью, как и про воскресение и жизнь вечную. Мама не религиозна, однако ты слышишь, как она читает, – и словно паришь в готическом соборе, полном света и безграничного простора.

Вот мертвый Аслан лежит на камне, и мыши грызут веревки, стягивающие его тело. Я полагаю, мое чувство справедливости зародилось именно тогда. Жить достойно – для этого вполне достаточно быть мышью, разгрызающей чужие веревки. Что такое одна мышка? Но если нас много и все мы не жалеем собственных зубов, то, возможно, это позволит уберечь нас всех от худшего. А возможно, спасет нас от самих себя.

С той поры я верю: книги работают по тому же принципу, что и заколдованный шкаф. Вы забираетесь в его тесное пространство – и выходите с другой стороны, в просторный загадочный мир, в место, которое пугает и восхищает одновременно.

Мои родители не просто читали истории – они их еще сочиняли. И так уж получилось, что оба в этом деле большие мастера. Мой папа дважды попадал на обложку «Тайм». Дважды! Его называли главным *букой* Америки. К тому времени Альфред Хичкок уже умер – кто-то же должен был занять его место? Мой папа не возражал. Стать тем, кто пугает всю Америку, – хорошо оплачиваемое ремесло.

Режиссеры пребывали под впечатлением от идей моего отца; продюсеров очаровывали финансовые перспективы, – так что многие книги оказались экранизированы. Мой отец сдружился с известным независимым кинорежиссером Джорджем Ромеро. Ромеро в некотором смысле придумал зомби-апокалипсис для фильма «Ночь живых мертвецов» и забыл – в некотором смысле – заявить на идею авторские права. И в результате идея – в некотором смысле – не принесла ему богатства. Так что создатели «Ходячих мертвецов» должны быть навечно благодарны Ромеро за то, что он так хорош в режиссуре и так плох в защите своих интеллектуальных прав.

Джордж Ромеро и мой отец раскопали старые комиксы. Мерзкие, кровавые – они были изданы в пятидесятых, до того, как кучка сенаторов и мозгоправов объединились, чтобы их запретить, – и у детей снова наступила скучная жизнь. «*Байки из склепа*», «*Гнездо страха*», «*Ужасный подвал*», вот в таком духе.

Ромеро и папа решили вместе снять фильм – «Калейдоскоп ужасов», – похожий на все те кошмарные комиксы, только в форме кино. Папа даже сыграл в этой картине роль: человека, который подхватил инфекцию от пришельцев и начал превращаться в растение. Съемки проходили в Питтсбурге; полагаю, папе не хотелось сидеть там в одиночестве, поэтому он взял с собой меня, – и мне тоже дали роль. Я играл мальчика, убившего отца с помощью куклы вуду после того, как тот выкинул его комиксы. В фильме моего отца играл Том Аткинс, в реальной жизни человек настолько приветливый и добродушный, что убивать его совсем не хотелось.

В фильме было полно шокирующих эпизодов: отрубленные головы, гниющие тела, кишащие насекомыми, ожившие кошмарные трупы. Ромеро нанял специалиста по гриму и спецэффектам, Тома Савини, – того самого кудесника, который делал зомби в фильме «Рассвет мертвецов».

Савини ходил в байкерской косухе и мотоциклетных бутсах. Носил мефистофельскую бородку и обладал бровями как у Спока с планеты Вулкан. В его трейлере целая полка оказалась набита книгами со снимками патологоанатомических вскрытий. Во время работы над «Калейдоскопом» у него было две обязанности: делать грим со спецэффектами и нянчить меня. Я целую неделю провел в его трейлере и рядом, наблюдая, как он рисует раны и лепит клыки и когти. Тома я могу назвать своим первым объектом поклонения. Все, что он произносил, было смешно и, как ни странно, прямо в точку. Он служил во Вьетнаме и, как он поведал

мне, гордится тем, что там делал: не позволял себя прикончить. Том полагал, что воспроизведение в фильме той резни – своего рода терапия, только за нее ему еще и платят.

Я наблюдал, как он превращает моего отца в чудо болотное. Стараниями Тома на бровях у папы теперь рос зеленый мох, на руках – густая поросль, а на языке – целый пук травы. Поэтому несколько дней у меня не было папы – а был сад с глазами. В моей памяти сохранился запах: отец пах тогда сырой землей под спудом опавших листьев. Впрочем, вполне возможно, это просто игра моего воображения.

Том Аткинс по роли меня ударил, и Том Савини изобразил на моей левой щеке синяк в форме отпечатка пятерни. Съемка в тот вечер затянулась до поздней ночи, и, когда мы вышли из павильона, я помирал от голода. Папа отвез меня в ближайший «Макдоналдс». К тому моменту я изнемогал от усталости и перевозбуждения, а потому подскакивал и орал, что хочу шоколадный коктейль. И папа *пообещал мне молочный коктейль*. В какой-то момент он осознал, что с десяток сотрудников «Макдоналдса» нехорошо на нас поглядывают. Ведь у меня на лице по-прежнему сиял отпечаток пятерни. Отец с утра пораньше обещает ребенку молочный коктейль... в качестве чего? Своего рода взятки, чтобы сын не донес на него в службу защиты детей от семейного насилия? Папа подхватил меня и вышел из заведения, не дожидаясь, пока кто-либо из сотрудников вызовет Службу защиты детей, и мы не ходили в «Макдоналдс» до самого отъезда из Питтсбурга.

К моменту возвращения домой я четко понял две вещи. Актер из меня не получится, и из моего отца тоже (прости, папа). И второе: даже если я не способен играть *от слова совсем*, я тем не менее нашел свое призвание, цель всей жизни. Я провел семь самых насыщенных дней, наблюдая, как Том Савини колдует над людьми, силой своего искусства превращая их в незабываемых, чудовищных монстров, – и понял, что хочу заниматься тем же.

Собственно, к тому и пришло.

Что возвращает меня к мысли, которую я хотел высказать в этом вступлении: у ребенка всего двое родителей, двое близких взрослых, однако если вам повезло и вы умудрились зарабатывать себе на пропитание творчеством, – в конечном счете мам и пап у вас окажется несколько. Когда раздается вопрос: «А кто у нас папа?» – самый честный ответ: «Ну это сложно».

В старших классах я знал качков, которые прочитывали каждый номер «Спортс Иллюстрейтед» от корки до корки; рокеров, что корпели над «Роллинг Стоун», словно семинаристы над Священным Писанием. Что касается меня, я изучил все выпуски «Фангории» за четыре года. Журнал «Фангория» – «Фанго» для почитателей – был журналом, посвященным ужасам. «Нечто», «Электрошок»... И небольшое количество фильмов, в афишах которых упоминался Стивен Кинг. Каждый выпуск «Фанго» включал фотографию на развороте – как в «Плейбое», только вместо красотки с ногами – очередной псих с топором.

«Фанго» стал моим путеводителем по всем важным социополитическим дебатам восьмидесятых: Фредди Крюгер, не слишком ли он забавный? Какой фильм самый страшный? И, главное, можно ли снять превращение человека в волка еще лучше, еще кошмарнее, еще страшнее, чем в фильме «Американский оборотень в Лондоне»? (Дискуссия по первым двум вопросам открыта; ответ на третий вопрос очень прост: «Нет»).

Должен признаться, «Американский оборотень» принес большую пользу: он пробудил во мне чувство кошмарной благодарности. Мне кажется, тот оборотень сгреб в свою волосатую лапу и вынес на поверхность мысль, которая таится под спудом всех по-настоящему великолепных ужасиков. А именно: быть человеческим существом значит быть туристом в холодной, недружелюбной, живущей по древним законам стране. Как все туристы, мы надеемся хорошо провести время... капля смеха, чуточку приключений, немного флирта... Однако в чужой стране легко заблудиться. Темнеет так быстро, дороги так петляют, – а в темноте уже сверкают чьи-то зубы. Чтобы выжить, нам нужно уметь оскалиться и показать зубы в ответ.

Примерно в то же время, когда я начал читать «Фангорию», я стал писать каждый день. Что казалось мне делом совершенно естественным. Ведь правда: когда я возвращался из школы домой, моя мама всегда была там: сидела за своим помидорного цвета компьютером «Селектра» и что-то сочиняла. Как и мой отец: вот он сторбился над экраном текстового процессора, самого футуристического устройства из всех, что принес в дом со времени появления видеомагнитофона. Экран устройства был чернее черного, а слова на экране выведены зеленым: помните, такой оттенок имеет токсичное излучение из научно-фантастических фильмов. За обедом разговоры шли о персонажах, декорациях сцен, о поворотах сюжета. Я видел близких за работой, слушал их застольные беседы и пришел к логическому заключению: если ты сидишь за клавиатурой по паре часов каждый день, рано или поздно кто-нибудь заплатит тебе кучу денег за усердие. (И что вы думаете? Оказалось, правда.)

Если погуглить «как написать книгу?», вы получите миллион полезных советов, но тут есть грязная тайна. Это просто математика. Нет, арифметика – сложение за первый класс. Пишите три страницы в день, каждый день. Через сто дней вы получите триста страниц. Напечатайте слово «конец». Готово.

Я написал свою первую книгу в четырнадцать. Она называлась «Полночная еда» и рассказывала о частной академии, где пожилые дамы, владелицы кафе, убивают студентов и кормят ими остальных назавтра в обед. Говорят, мы то, что мы едим. Так вот, я съел «Фанго» и написал нечто содержащее все мыслимые достоинства буквально просящегося на экран ужасика.

Вряд ли нашелся бы кто-нибудь, способный дочитать сие творение до конца, – кроме, возможно, моей мамы. Как я сказал, написание книги – всего лишь математика. Написание хорошей книги – вот это совсем иное.

Я хотел научиться ремеслу; я им пока не обладал... но два блестящих писателя под одной крышей со мной... а сколько романистов приходили к нам в гости... Дом 47, Западный Бродвей, город Бангор, штат Мэн – то был адрес лучшей в мире, хотя и мало кому известной школы литературного мастерства... Правда, не могу сказать, что мне это пошло впрок, и тому имелись две серьезные причины. Я плохо умею слушать, а уж учиться и того хуже. Потерявшаяся в стране чудес Алиса замечает, что дает себе часто прекрасные советы, но крайне редко им следует. Со мной – то же самое. Ребенком я получал много великолепных советов и никогда не принял ни единого из них.

Есть люди-визуалы; есть те, кто по крохам тщательно собирает массу полезной информации из лекций или обсуждений в классе. Я же все, что когда-либо узнал насчет написания текстов, – добыл из книг. Мой мозг не успевает за беседой, а напечатанные на бумаге слова – ну они-то готовы меня подождать. Книги терпеливы к таким тормозам, как я. А вот остальной мир – нет.

Мои родители знали, что мне нравится писать, хотели, чтобы я преуспел, и понимали, что порой попытка что-либо мне объяснить напоминает беседу с собакой. Наш корги Марлоу понимал только важное: «гулять» и «есть». Ему хватало. Не могу сказать, что мои мозги были развиты заметно лучше.

И потому родители купили для меня две книги.

Мама принесла мне «Дзен в искусстве написания книг; очерки о творчестве» Рэя Брэдбери: в книге масса полезных советов, как разблокировать творческое начало, – однако сильнее всего на меня повлияло то, *как* эта книга написана. Фразы Брэдбери действовали на меня словно искры, вырывающиеся из фейерверка в жаркую ночь Четвертого июля. Я с изумлением обнаружил, что Брэдбери испытывал чувства, подобные тем, которые испытывала Дороти в «Волшебнике страны Оз». Помните, она вышла из домика в мир над радугой? Похоже на переход из черно-белого кино в цветное. Я это запомнил.

Признаю, что сейчас некоторые пассажи Брэдбери кажутся мне несколько избыточными (не каждая строка должна быть клоуном, который кружит по арене на одноколесном велосипеде и жонглирует ножами). Однако в четырнадцать лет я нуждался в ком-то, кто показал бы мне взрывную мощь хорошо изготовленной образной фразы. После «Дзена в искусстве написания книг» я долгое время читал одного только Брэдбери: «Вино из одуванчиков», «451 по Фаренгейту» и, самое мощное, «Надвигается беда». Как же я любил «Темный карнавал»! Особенно ту ужасную карусель в центре: карусель, превращающую детишек в стариков. И другие рассказы Брэдбери: все знают те истории – маленькие шедевры, которые прочтешь за десять минут и уже никогда не забудешь.

Там был «И грянул гром» – история про охотников, плативших за шанс застрелить динозавра; или вот «Ревун» – сказка про доисторическую тварь, влюбившуюся в маяк. Придуманные Брэдбери существа поражали воображение: они были изобретательны, необычны; они ошеломляли. Я снова и снова возвращался к «Дзену». Я пытался понять: как, КАК он это делает? И, конечно, он дал конкретные практические инструменты в помощь начинающему писателю. Например, в одном упражнении предлагалось написать список существительных – и с их помощью придумать завязку истории. Я пользуюсь этим приемом и по сей день (правда, в переработанном виде, и моя собственная игра называется «Быстренько о главном»).

А папа подарил мне книгу Ларри Блока под названием «Лгать ради смеха и прибыли»: в ней собраны материалы колонки, которую Блок вел для «Писательского дайджеста». У меня она хранится до сих пор. Я уронил свой экземпляр в ванну, так что сейчас книга имеет бледный вид, а краска смазалась – особенно там, где я подчеркивал целые абзацы. Однако для меня она представляет такую же ценность, как и первое издание Фолкнера с автографом. Что я уяснил из книги Блока, так это то, что писательская работа – такое же ремесло, как все другие ремесла: как работа плотника, например. Чтобы снять с работы писателя некий мистический флер, Блок концентрируется на мелочах: что такое великое первое предложение? Когда деталей становится слишком много? Почему некоторые шокирующие концовки срываются, тогда как другие, честно говоря, идут кошке под хвост?

И – вот это кажется мне самым очаровательным – в чем выгода работы под псевдонимом?

Блок тоже не чуждался псевдонимов. У него имелась их целая корзина; он использовал псевдонимы, чтобы создавать отдельные личности для каждого произведения. Бернар Маламуд однажды заметил, что первое и самое трудное творение писателя есть он сам: как только вам удалось изобрести себя, рассказы начинают истекать из вас естественным способом. Я получал удовольствие от мысли, что при новых обстоятельствах Блок набрасывал на себя новую маску и его книги писали люди, которые сами являлись плодом воображения.

– О да, – согласился отец. – Возьми, например, «Некоторые люди опасны», роман, написанный Блоком под псевдонимом Пол Кавана. Эта книга не столько даже роман, сколько одно сплошное описание преступления. В ней рассказана история демобилизованного солдата. Во время войны он совершал страшные вещи и вернулся домой, намереваясь поступать так же и в мирное время на своей территории.

Я читал роман несколько десятилетий назад и до сих пор считаю, что суждение отца довольно резкое, но совершенно точное. Фразы Брэдбери были искрами фейерверка в летнюю ночь. Фразы Каваны – ударом свинцовой трубой. Ларри Блок – сам по себе – был замечательным человеком. А Пол Кавана – нет.

Примерно в те годы я начал задумываться, какую личность я мог бы в себе разбудить.

За время учебы в школе я написал еще три романа. Они имели общую художественную особенность: были высосаны из пальца. Впрочем, я считал, что это нормально. Юные гении почти всегда трагические фигуры: одни ярко пылают год-другой, и уже к двадцати от них остается лишь огарок. Остальные двигаются медленно, тяжело, понемножку... однако эта медленная тяжелая работа позволяет нарастить ментальные и эмоциональные мышцы – и, возможно,

создает более прочный фундамент, на котором впоследствии будет строиться карьера. И когда наступает полоса неудач, человек оказывается к ним готов. Ведь опыт переживания неудач у него уже есть.

В колледже я начал задумываться о публикации своих произведений – что совершенно естественно. Впрочем, ставить под текстом собственное имя мне было страшно. Ведь до сих пор я не написал ничего достойного прочтения. Как, интересно, я пойму, что создал нечто хорошее, по-настоящему хорошее? Я боялся: вот сейчас отправлю в издательство дрянную книгу, и они все равно ее опубликуют, поскольку увидят возможность по-быстрому срубить деньги на знаменитой фамилии. Меня трясло от подобной перспективы. Нет уж; когда я продаю рассказ, я хочу быть уверен, что он продается сам по себе, а не из-за знаменитого имени в заголовке.

Поэтому я убрал фамилию и стал писать под именем Джо Хилл. Почему Хилл? Сокращение от моего второго имени, Хиллстрём. Сейчас, глядя назад... ну о чем я думал? Литера *ö* самая крутая в английском языке, в моем втором имени она есть – и я ее не использовал. Мой единственный шанс стать крутым, и я его *профукал*!

Еще я думал, что не стоит писать ужастики. Нужно искать собственную тему. Потому я творил нечто в стиле «Нью-Йоркера»: про развод, воспитание трудных подростков и кризис среднего возраста. В тех историях попадались, конечно, удачные строки, – но для хорошего рассказа их, увы, недостаточно. Что я мог сказать о разводе? К тому времени я ни разу не был женат, не воспитывал детей, никаких. Единственный мой опыт в данном вопросе – то, что я сам когда-то был трудным ребенком. А поскольку к моменту создания всех тех текстов мне исполнилось лет двадцать пять, про кризис среднего возраста я внятных представлений, по понятным причинам, тоже не имел.

И даже если отбросить все эти рассуждения... Существенной проблемой в написании историй в стиле «Нью-Йоркера» было то, что мне не нравились истории в стиле «Нью-Йоркера». В свободное время я почитывал комиксы по ужастикам Нила Геймана и Аллана Мура, а не бла-бла-бла про опустошенность среднего класса авторства Апдайка и Чивера.

К некоторому моменту количество отказов от издательств перевалило за две сотни, и я с грустью подумал: что, если бы я подписывал эти свои поделки как Джозеф Кинг? Какой кошмар! Тогда точно у всех создалось бы впечатление, что я вовсю эксплуатирую папино имя. А вот Джо Хилл – дело другое. Джо Чудак. Никто не знает его родителей. Он может стать... да кем угодно... кем только пожелает. Например, осуществить давнюю мечту: стать Томом Савини, только в литературе.

Вы проживаете ту жизнь, которую для себя сотворили. И если вы намерены писать, пользуйтесь собственными чернилами. Это единственные чернила, которые есть в вашем распоряжении. Мои, например, насыщенно-красные.

Когда я позволил себе писать странные истории о сверхъестественном, все мои проблемы исчезли чуть ли не за одну ночь. Хотя до *бестселлера* от «Нью-Йорк Таймс» было очень далеко. Какой там бестселлер! Я по-прежнему сочинял тонны дерьма. Я наклепал еще четыре романа, которые так нигде и не вышли: «Бумажные ангелы», третьесортная подделка под готику Кормака Маккарти; «Вереск» – невнятная, безуспешная попытка написать триллер в стиле Джона Макдональда о двух подростках и летней убийственной попойке.

Лучшим из этих романов была вещь в духе Толкиена, «Древо страха», на которую я потратил три года. В моих влажных мечтах она превратилась в международный бестселлер. На самом же деле ее отвергли все издатели Нью-Йорка и обругали все издатели Лондона. Последним, финальным нокаутом стал полный отказ из Канады, что только подтверждает сентенцию: не важно, как низко ты пал – всегда можно пасть еще ниже.

(Канада, прости, ничего такого.)

Я клепал свои сырые романы и одновременно писал рассказы, и по истечении некоторого количества месяцев (и лет, да!) кое-что стало выходить. История о дружбе малолетнего преступника и вымышленного мальчика попала в высоко оцененную антологию еврейского магического реализма – несмотря на то, что я *гой* (редактор антологии ничего не имел против). Рассказ о привидении, являвшемся зрителям кинотеатра в маленьком городке, попала в *The High Plains Literary Review*. Для большинства людей это практически ничего не значит, для меня же быть опубликованным там (тираж около тысячи экземпляров) – примерно как снять обертку с шоколадного батончика и обнаружить вместо него слиток золота. Следом пошли и другие рассказы. Я написал про одинокого подростка, который начитался Кафки и превратился в гигантскую саранчу... и понял, что предпочитает быть человеком. Еще один – о неподключенном древнем телефонном аппарате, который иногда приносит звонки от умерших. Еще – про озабоченных сыновей Ван Хельсинга. И так далее. Я выиграл в паре мелких литературных конкурсов, попал в несколько хороших сборников. Охотник за талантами из издательства комиксов Марвел прочитал мой рассказ и предоставил шанс написать свою собственную одиннадцатистраничную историю про Спайдермена.

Это немного, но вы ведь знаете, как говорят: хорошего понемножку. И вот в две тысячи четвертом году, вскоре после того, как «Древо страха» отправилось в никуда, я признался самому себе, что не романист. Я старался изо всех сил, выстрелил – и выстрел ушел «в молоко». Ну и ладно. И прекрасно. Я написал про Спайдермена, и если я так и не понял, как написать хороший роман, у меня все-таки постепенно появилось понимание, как сделать приличный рассказ. Я никогда и в мыслях не имел состязаться с отцом. Роман мне не написать. А вот комикс – вполне.

И я набрал достаточно рассказов для сборника. Мне было интересно: найдется ли кто-то, готовый рискнуть. Я не удивился, когда крупные издательства не обратили на сборник внимания: они предпочитают романы – по ясным коммерческим причинам. Я подумал, что стоит попробовать издательские компании помельче, – и в декабре две тысячи четвертого года мне позвонил Питер Краутер, достойный джентльмен, представляющий PS Publishing, совсем небольшое издательство из Восточной Англии. Питер сам писал странные истории, и ему пришлось по душе «Поп-арт», рассказ про выдуманного мальчика. Он предложил сделать маленький тираж «Призраков двадцатого века», между делом протягивая мне руку помощи, – и я всегда ему буду за это благодарен. Впоследствии Пит – и другие люди в сфере маленьких издательств, такие как Ричард Шизмар и Бал Шейфер, – оказали подобную помощь многим другим писателям, публикуя произведения, не рассчитывая на большую прибыль, а просто потому, что книга понравилась им лично. (И, кхм, кстати... это намек: можно зайти на сайты компаний PS Publishing, Cemetery Dance, and Subterranean Press и внести небольшую сумму. Поддержать начинающее дарование, купив одну из книг. Попробуйте: такая книга не опозорит вашу книжную полку.)

Пит попросил меня написать для книги еще несколько рассказов – чтобы сборник получился *эксклюзивным*. Я согласился и приступил к истории про парня, купившего по интернету призрака. Оно как-то легко пошло, и через триста тридцать пять страниц истории я обнаружил, что написал целый роман. Я озаглавил его «Коробка в форме сердца».

Парень, он читается как роман Стивена Кинга. Ну если уж совсем честно, я имею к нему некоторое отношение.

Я всегда был тормозом, и мой первый сборник, «Призраки двадцатого века», вышел, когда мне миновало тридцать три. Сейчас мне сорок шесть, а к моменту выхода этой книги исполнится уже сорок семь. Время мчится и уходит в отрыв, парень, оставляя тебя бездыханным.

Когда я только начинал, я испытывал страх: люди будут знать, что я сын Стивена Кинга, и не поверят, что я нечто цельное. Однако в рассказах всегда правда, *истинная правда*. В хоро-

ших рассказах уж точно. Созданные мной истории несут в себе отпечаток творческих прародителей автора: Брэдбери и Блока, Савини и Спилберга, Ромеро и «Фанго», Стэна Ли и Чарлза Льюиса, – а больше всего, конечно, Стивена и Табиты Кинг.

Невезучий созидатель оказывается в тени более крупных художников – и негодует. Однако если повезет, – а как я уже сказал, мне неоправданно сильно повезло, и, Господи, пусть так будет и дальше, – эти крупные художники служат ему путеводной звездой, указывая дорогу.

И кто знает? Возможно, однажды вам повезет работать с объектами своего поклонения. У меня появился шанс написать пару рассказов вместе с отцом. Это было здорово. Это было весело. Надеюсь, вам понравится – они здесь, в этой книге.

Я несколько лет носил маску и сейчас, когда снял ее, чувствую себя лучше.

И хватит на этом. Пора отправляться в путешествие. Вперед. Поехали!

Что там было про плохих парней?

Джо Хилл

Экзетер, Нью-Хэмпшир

Сентябрь 2018 года

Полный газ

В соавторстве со Стивеном Кингом

Они гнали прочь от крови – на восток, по бесплодной, жаркой, пестрой пустыне, и не останавливались – дальше, дальше. Только после полудня, через сотню миль, они свернули к беленькой придорожной закусочной. Слитный рев двигателей заставлял дребезжать оконные стекла. Они въехали на асфальтовую площадку перед входом, затормозили среди припаркованных тягачей-дальнобоев, опустили подножки и заглушили двигатели.

Всю дорогу впереди держался Рейс Адамсон, и его «харлей» порой обгонял остальных на четверть мили. С тех пор как Рейс вернулся к ним после двух лет, проведенных в песках, он всегда так делал – вырывался вперед. Он мчался далеко впереди, и часто казалось, что он задирает остальных – или просто желает уехать и никогда больше их не видеть. Рейс не хотел здесь останавливаться, но Винс решил иначе. Когда впереди показалась вывеска, Винс догнал Рейса, вырвался вперед и поднял руку в жесте, который отлично знала вся «Команда Команчей»: «Уходим с трассы. За мной!» И Команда повиновалась. Надо полагать, еще один повод для Рейса невзлюбить старшего. А сколько их всего накопилось.

Рейс припарковался одним из первых, но одним из последних слез с байка. Он стоял, расставив ноги, медленно стягивал кожаные перчатки и наблюдал за остальными через зеркальные солнечные очки.

Лемми Чапмен мотнул головой в сторону Рейса:

– Поговорил бы ты со своим пареньком.

– Не здесь, – ответил Винс.

Дело могло потерпеть до возвращения в Вегас. Винс хотел дожидаться, пока дорога останется позади. Полежать в темноте, переждать, пока утихнет больной узел в животе. А больше всего он мечтал забраться под душ. Крови на нем не было, но Винс все равно чувствовал себя измазанным, грязным. Утреннюю мерзость не терпелось смыть.

Он шагнул к закусочной, но Лемми схватил его за руку.

– Нет. Здесь.

Винс посмотрел на чужие пальцы на своем локте – однако Лемми не отпустил; Лемми был единственным, кто совсем его не боялся, – затем перевел взгляд на «паренька», который уже много лет как пареньком не был. Рейс копался в кофре над задним колесом.

– О чем говорить? Кларка больше нет. И бабок тоже. После сегодняшнего утра ничего уже не сделать.

– А Рейс считает так же? Тебе бы лучше убедиться, что вы думаете одинаково, а то в последнее время он только и делает, что с тобой собачится. Я тебе еще кое-что скажу, босс. Вся идея была Рейса, да; но потом он разбудоражил парней, обещая бешеные бабки после уговора с Кларком. И сейчас не его одного колотит от мысли, как быть дальше.

Лемми выразительно посмотрел на остальных. Винс только сейчас обнаружил, что они не сдвинулись с места: так и стоят около своих байков, переводя взгляд с него на Рейса и обратно. И ждут.

Затевать грызню Винс не желал. От мысли о предстоящем все-таки разговоре во рту стало сухо. Любая беседа с Рейсом напоминала перетягивание каната – лишь усталость и никакой пользы. Не посреди же дороги?

Тем не менее... Когда дело касается блага Команды, Лемми почти всегда прав. Он постоянно прикрывал Винсу спину – с тех самых пор, как они встретились в Дельте Меконга, и весь остальной мир был «за периметром». Они вместе высматривали растяжки, а потом разряжали

мины. За почти сорок прошедших с того времени лет ничего по большому счету и не изменилось.

Винс сдвинулся наконец с места и пошел к Рейсу, который стоял между своим «харлеем» и припаркованным нефтевозом. Рейс как раз нашел то, что разыскивал в кофре: фляжку – в ней плескалось нечто похожее на чай и чаем, конечно, не было. Он и прежде пил такое, что Винс не одобрял. Рейс хлебнул, вытер рот и протянул фляжку Винсу. Тот покачал головой.

Велел Рейсу:

– Говори.

– Если мы двинем по Шестой трассе, то часа через три окажемся в Шоу Лоу. Если ваши японочки потянут.

– А что там в Шоу Лоу?

– Сестра Кларка.

– А зачем она нам сдалась?

– Деньги. Если ты не заметил, нас нагрели на шестьдесят грандов.

– Ты думаешь, они у сестры?

– Ну надо же с чего-то начинать.

– Давай поговорим об этом в Вегасе. Обсудим варианты.

– А почему не сейчас? Ты же видел: когда мы вошли, Кларк сбросил звонок. Я через дверь слышал обрывок разговора. Мне кажется, он пытался дозвониться до сестры, а когда не смог, передал через кого-то сообщение. Через кого-то, кто ее знает. А иначе на хрена бы он взялся названивать этой кошелке, едва увидел, что мы подъезжаем?

Просто хотел проститься с сестрой. Это была теория Винса, но он не стал говорить Рейсу.

– Она вроде бы не при делах? Кто она вообще такая? Такая же психопатка?

– Нет. Просто шлюха.

– Иисус милосердный. Ну и семейка.

Рейс фыркнул:

– Кто бы говорил.

– О чем ты?

Винса больше зацепило не столько это скрытое оскорбление, сколько собственное отражение в зеркальных стеклах Рейсовых солнечных очков – обгоревшее на солнце, седобородое, морщинистое, старое.

Рейс снова перевел взгляд на бликующий от жары асфальт. Проигнорировал вопрос; заговорил о другом:

– Шестьдесят грандов. Шестьдесят грандов как в воздухе растаяли, – а ты просто пожимаешь плечами.

– Ничем я не пожимаю. Именно. Растаяли в воздухе.

Рейс и Дин Кларк познакомились в Ираке: в Аль-Фаллудже или, может, в Тикрите. Кларк, медик, специализировался в купировании болевого синдрома; большей частью лечение состояло из косяка и щедрой дозы хип-хопа. А задача Рейса была в том, чтобы перегонять военные грузовики и стараться не схлопотать пулю. Они поддерживали связь и после возвращения в большой мир, а полгода назад Кларк приехал к Рейсу – с идеей забавать на озере Смит лабораторию по производству мета. Он посчитал необходимый стартовый капитал – шестьдесят тысяч. И утверждал, что вклад по-любому за месяц окупится.

– Настоящий винт. Никакой сраной травы, только настоящий винт. – Кларк разводил руки, демонстрируя, какого размера пачка наличных их ждет. – До неба, ага?

Ага. Сейчас Винс думал, что ему следовало выйти из игры сразу, едва Кларк произнес эту фразу. В ту же самую секунду.

Однако не вышел. Он даже помог Рейсу двадцаткой собственных денег – хотя сомнения грызли. Кларк производил впечатление лентяя и бездельника, внешне похожего на Курта

Кобейна: длинные блондинистые волосы, рубахи в несколько слоев. Он произносил *ага*; он ко всем обращался *мэн*; он рассуждал о том, как наркотики одолевают угнетающую волю надразума. Что бы это ни значило. Он удивил и очаровал Рейса тем, какие приносил интеллектуальные подарочки: пьесы Сартра, записи классической поэзии, исполняемой под барабан.

Заносы Кларка злости у Винса не вызвали. Кларк, он какой есть: умник, повернутый на духовных проработках. Где и слова такие подхватил: то ли у педиков, то ли у черных. Его расстроило, что к моменту встречи у Кларка уже была вонючая пасть метамфетаминового наркомана: зубы выпали, а десны все в пятнах. Винс не возражал делать деньги на подобной дряни, но испытывал рефлекторное недоверие к любому придурку, тупому настолько, чтобы употреблять.

Он все же дал деньги: хотелось сделать что-то для Рейса, особенно после той истории с вылетом из армии. И пока Рейс и Кларк обсуждали детали, Винс почти убедил себя, что деньги не вылетят в трубу. Рейс был так уверен в успехе, так заносчив; в предвкушении больших доходов он даже купил своей девчонке автомобиль, подержанный «Мустанг».

Только вот лаборатория загорелась, ага? И за десять минут все сгорело к такой-то матери – в первый же день. Работавшие внутри мексы повыскакивали из окон да так и стояли, обожженные и покрытые копотью, пока не прибыл пожарный наряд. Сейчас большинство сидят за решеткой в окружной тюрьме.

Рейс узнал о пожаре не от Кларка, а от Бобби Стоуна, еще одного друга со времен Ирака, – тот приехал на озеро Смит прикупить на десять грандов партию того самого «настоящего винта», однако повернул назад, завидев дым и маячки пожарной команды. Рейс все пытался дозвониться до Кларка по телефону, но так и не смог – ни тем днем, ни вечером.

К одиннадцати «Команда Команчей» выехала на трассу и направилась на восток.

Они обнаружили Дина Кларка в его домишке на холмах, пакующего вещички. Он заявил, что вот как раз собирался ехать искать Рейса, чтобы рассказать о случившемся и разработать новый план. Он, само собой, вернет все деньги до цента. Сейчас денег нет, но есть некие возможности, есть запасные варианты. Блин, он так сожалеет, просто дьявольски сожалеет.

Что-то было явным враньем, что-то правдой, – особенно пассаж про дьявольское сожаление. Однако не все это поразило Винса, и даже не то, что Кларк начал плакать.

Его – и остальных парней – поразила подружка Кларка. Она затаилась в ванной комнате, в трусиках в цветочек и в кофте с надписью «Школа Корман». Всего лишь семнадцати лет, уже под метом, она сжимала в руке двадцать второй калибр. Рой Клавз спросил Кларка, тут ли его сучка, и пообещал списать двести баксов с долга, если она всех обслужит. А девчонка услышала. Рой Клавз зашел в сортир, достал член, чтобы отлить, но девчонка решила, что он расстегивает штаны по другой причине, и открыла огонь. Первая пуля ушла в молоко, а вторая в потолок: к тому времени Рой достал ее своим мачете, – и тут реальность встала на паузу, и все соскользнуло в кроваво-красную мешанину иррационального кошмара.

– Я уверен, часть денег он просадил, – сказал Рейс. – Может, даже половину из тех, что мы ему дали. Но не все, уж точно не все. Чтобы Дин Кларк вложил все шестьдесят грандов в один несчастный прицеп – ну уж нет.

– Может, он что-то и заначил. Я не говорю, что ты не прав. Только не понимаю, при чем здесь сестра. Может, он сунул деньги в банку и закопал во дворе. Я не собираюсь трясти эту сестру просто так, ради удовольствия. А вот если выяснится, что она вдруг разбогатела, – вот тогда дело другое.

– Я угрожал на это полгода и кучу бабла! И, заметь, не я один.

– Отлично. Давай в Вегасе обсудим все подробнее.

– Что толку в разговорах? Надо ехать. Сейчас его сестра в Шоу Лоу, но как только она выяснит, что братцу и его цыпочке пустили кровь...

– Ты бы потише, – сказал Винс.

Лемми взглянул на них, скрестив на груди руки. Он замер в нескольких шагах сбоку, готовый, если потребуется, встать между своим кэпом и Рейсом. Остальные парни стояли группками по двое-трое: небритые, в дорожной грязи на кожаных косухах и джинсовках. У всех на куртках нашивка: череп в индейском головном уборе с перьями. И надпись: «Команда Команчей: живи на дороге, умри на дороге».

Они всегда были *командой команчей*, хотя ни один не родился индейцем, кроме разве что Персика: тот утверждал, что наполовину чероки. Впрочем, иногда он оказывался наполовину испанцем или инка. Док говорил, что Персик может быть хоть помесью эскимоса с викингом, если желает, – результат все равно один и тот же.

– Деньги пошли коту под хвост, – сказал сыну Винс. – Полгода жизни тоже. Прими это.

Сын стиснул зубы, так что заходили желваки, и промолчал; только держащие фляжку пальцы побелели. Перед глазами Винса вспышкой мелькнуло воспоминание: вот Рейсу шесть лет, и его лицо так же, как сейчас, покрыто пылью. Он катается по подъездной гравиевой дорожке на трехколесном зеленом велосипеде и громко, стр-рашно рычит. Как смеялись тогда Винс и Мери, любясь сосредоточенной мордашкой сына. Безумный Макс, Воин дороги, приквел. Сейчас Винс не мог понять, с чего их тогда так разобрало. Сейчас смеяться никак не хотелось: всего два часа назад Рейс саперной лопаткой развалил человеческую голову. Рейс всегда имел быструю реакцию. Когда девчонка открыла огонь, Кларк, плохо соображая, бросился бежать, и Рейс успел первым. Может быть, он и не думал убивать. Он просто нанес удар. Один удар.

Винс открыл рот, собираясь сказать еще что-нибудь... и закрыл. Развернулся и зашагал к закусочной. Не прошел и трех шагов, как сзади раздался звон стекла. Он обернулся. Рейс швырнул фляжку в сторону припаркованного нефтевоза, попав ровнехонько в то место, где Винс стоял пять секунд назад. В кого он метил?

Виски и осколки бутылки стекали по стенке побитой цистерны. Винс посмотрел на фуру и невольно дернулся от увиденного. На боку цистерны что-то было выведено по трафарету, и на мгновение Винсу показалось, что там написано ОКРОВАВЛЕН. Но нет. На боку цистерны значилось ЛАФЛИН. Все, что Винс слышал о Фрейде и его теориях, можно было свести к самой малости: аккуратная седая борода, сигара, идея о том, что дети желают заниматься сексом со своими родителями. Впрочем, не надо быть докой в психологии, чтобы угадать игры подсознания. Может, Винс и посмеялся бы, вот только...

В кабине нефтевоза сидел водитель. Его локоть высывался из окошка; между пальцами зажата сигарета. На предплечье красовалась наполовину сведенная татуировка: *Честь выше жизни*. Тоже ветеран, мельком подумал Винс и отодвинул эту мысль в сторону. Он прикидывал, что водила мог слышать, какова мера риска и так ли уж необходимо выдергивать этого самого Лафлина из грузовика на пару слов.

Винс все еще раздумывал над этим, когда дизель заворчал и окутался смрадным дымом. Водила выбросил сигарету на парковку и отжал тормоз. Фура двинула к выезду, перемалывая гравий, и Винс медленно выдохнул, чувствуя, как отпускает напряжение. Он сомневался, слышал ли водитель хоть что-то, – а даже если и да? Никто в здравом уме не пожелает влезать в их разборки. Лафлин, должно быть, понял, что услышал обрывки не касающегося его разговора, и счел за лучшее смыться.

К тому моменту, когда фура вырулила на хайвэй, Винс уже развернулся, протолкался сквозь своих парней и зашагал к закусочной.

Через час ему предстояло увидеться с фурой заново.

Первым делом Винс поспешил отлить: мочевого пузыря терзал его, стоило отъехать хотя бы тридцать миль, – а потом прошел к своим. Они заняли два стола и сидели молча, почти не разговаривая, и от их столов доносилось только звяканье посуды.

Говорил один лишь Персик, да и тот сам с собой. Персик что-то шептал, иногда дергался, словно его окружила стая невидимых moskitov. Такая вот нервная привычка у человека. Остальные молчали, уставившись взглядом прямо перед собой. Что они видели сейчас? Возможно, ванную комнату в доме Кларка после того, как Рой Клавз закончил шинковать девчонку. Или как повалился лицом вниз сбитый саперной лопаткой Кларк: с торчащей вверх задницей, в испачканных дерьмом штанах. Или саму лопатку: стальное лезвие плотно вошло в башку, а ручка все еще колеблется в воздухе. А некоторые, может, просто прикидывали, успеют ли домой к игре «Гладиаторов» и выиграют ли хоть что-то лотерейные билеты, которыми они вчера соблазнились.

Когда они еще только ехали поговорить с Кларком, все было иначе. Лучше. Тогда Команда остановилась перекусить сразу после восхода в точно такой же, как эта, закуской. Нельзя сказать, что настроение было праздничным; все-таки дрянная история с пожаром вышла, и потому за кофе и пончиками они тоже болтали... разное.

Док за столом разгадывал кроссворд; прочие сгрудились вокруг, смотря через плечо и подкалывали друг друга, что вот-де какая честь им выпала: сидеть рядом с человеком настолько ученым. Док отмотал срок, как и большинство остальных; во рту у него была золотая фикса – коп выбил дубинкой зуб несколько лет назад. Однако он носил мотоциклетные очки, был худощав и вообще похож на патриция, много читал (отнюдь не только комиксы) и знал кучу всего: как выглядит законодательная власть в Кении и кто участвовал в войне Алой и Белой розы.

Рой Клавз покосился на кроссворд Дока и произнес:

– Чего мне в жизни не хватает, так это кроссворда на тему ремонта байков и катания цыпочек. Например, что такое я предложу твоей мамашке, пять букв. А, Док? На такой вопрос я бы ответил.

– Я бы сказал, «визитка», но там семь букв. Нет, пожалуй, все-таки «гобой».

Рой почесал голову.

– Гобой?

– Ну да. Ты станешь услаждать ее слух музыкой. Предложишь игру на гобое, а она начнет плевать.

– Да, и это больше всего меня выбешивает. Я пытаюсь научить ее глотать, когда я играю на гобое, а она плюется.

Парни попадали от хохота со стульев. Они грохнули так, что затрясся соседний стол – там Персик объяснял, почему он пошел на перевязку семьявыводящих протоков:

– Что меня подкупило, так это то, что платить надо только один раз, за процедуру... а с абортами ведь не так. Сколько тех абортотворений может быть? Вообще не ограничено, представь. Вообще. Каждая цыпочка – потенциальная прореха в бюджете. И ты этого не знаешь, пока не придет время платить за пару соскобов. Вот тут и задумаешься, что твоим денежкам можно было найти лучшее применение. И вообще, после того, как ты смыл в сортир целый мотоцикл «Джуниор Патрон», отношения уже не те. Нет, совсем не те. Вот что мне подсказывает опыт.

Персику не было нужды шутить специально; ему было достаточно поделиться с остальными тем, что бродит в голове.

Это происходило утром. А сейчас Винс прошел мимо измотанных, красноглазых парней и сел к стойке рядом с Лемми.

– Как ты думаешь, что нам делать со всем этим дерьмом, когда мы приедем в Вегас?

Лемми ответил без раздумий:

– Уматывать. И молчать про планы. Уезжать и не оглядываться.

Винс засмеялся. Лемми нет. Он поднес чашку с кофе к губам, рассматривал несколько секунд, затем поставил на место.

– Что-то не так с кофе? – спросил Винс.

– Не с кофе.

– Ты ведь не всерьез говоришь про «уматывать»?

– Мы не вдвоем с тобой ездили, дружище, – сказал Лемми. – Что Рой сделал с той девушкой в ванной?

Винс понизил голос:

– Она же чуть его не застрелила.

– Ей и семнадцати не было.

Винс не ответил; да ответа никто и не ждал.

– Большинство парней никогда не видели такого треша, и я полагаю, многие – те, кто посообразительнее, – уже планируют побыстрее заныкаться куда подальше. И найти новую цель жизни.

Винс снова засмеялся, и Лемми глянул на него искоса.

– Послушай меня, кэп. Мне было восемнадцать, и я убил собственного брата. Наехал по пьяни. А когда пришел в себя, то был весь залит его кровью; весь ею пропах. Потом, уже в морской пехоте, я искал смерти – кровь за кровь, понимаешь? – но ребята из джунглей не захотели мне помочь. Знаешь, что я четче всего помню о войне? Как пахли мои ноги, когда я подхватил в джунглях гниль. Словно в обувь нагадили все вокруг. Я отсидел, как и ты, и самым мерзким было не то, что сделал я сам или чему стал свидетелем. Хуже всего была вонь. Потные подмышки, невытертые задницы. Мерзко. А теперь вот мы сами устроили бойню, маньяки отдыхают. Из головы не выходит – как там, на месте, все смердело. Когда все кончилось. Словно тебя заперли в клозете, где кто-то только что сходил. Воздуха не хватает, и вообще.

Он замолк и искоса посмотрел на Винса.

– Знаешь, о чем я думаю с тех самых пор, как мы дали деру? Лон Рифус переехал в Денвер и открыл там гараж. Он присылал мне фотку тамошних пейзажей. Горы. И вот я думаю, пригодится ли ему такой старикашка, как я, – скажем, крутить гайки. И, наверное, я смог бы привыкнуть к запаху хвои.

Он снова замолк, затем перевел взгляд на остальных парней, сидевших за столами.

– Половина тех, кто не смоеется, будет искать способы вернуть потерянное – так или иначе. И эти способы тебе не понравятся. Мет – такая штука, затягивает. Мерзкая дорога, монета за вход и десять за выход. На этой дороге крутятся слишком большие деньги. И та девчонка, которая стреляла в Роя, – она уже вступила на эту дорогу; именно поэтому она и пыталась его убить; и сам Рой из таких же – именно поэтому он нанес ей чертову сотню ударов своим поганым мачете. Кто, мать твою, вообще носит с собой мачете – если он не подсел на винт?

Винс сказал в сердцах:

– Вот только не начинай про Роя! Сунуть бы ему в задницу «Мальчугана», чтобы глаза засверкали.

Лемми хохотнул. Их излюбленная шутка – придумывать всякие затейливые способы использования «Мальчугана». Винс не смеялся.

– Ну, давай. Скажи. Ты же думаешь об этом весь последний час.

– Откуда тебе знать?

– Полагаешь, я не знаю, что значит, когда ты так сидишь?

Лемми буркнул:

– Рано или поздно копы выйдут на Роя или других придурков, а те утащат с собой остальных, до кого дотянутся. Рой и парни такого типа... им никогда не хватает ума, чтобы избавиться от того, что они сперли на месте преступления. Никому из них не хватает ума помалкивать о сделанном. Обязательно кто-нибудь похвастается подружке. Черт. Да у половины из них язык за зубами не держится, подмывает болтануть уже прямо сейчас. Вот и все.

Винс поскреб бороду.

– Ты твердишь о двух половинах: тех, кто намерен смыться, и тех, кто нет. Можешь сказать мне, к которой относится Рейс?

Лемми невесело усмехнулся, снова показав обломок зуба.

– Надо отвечать?

В три часа пополудни они догнали грузовик с надписью *Лафлин* на борту. Он тяжело штурмовал подъем.

Дорога шла вверх, а потом снова вверх, словно одна американская горка сменяла другую. Безостановочно. Рейс опять был впереди. После того как они отъехали от закусочной, он ускорился, увеличивая разрыв с остальными настолько, что порой Винс вообще терял его из вида. Но когда они догнали грузовик, его сын держался у самого бампера.

Десять мотоциклов поднимались на холм за ревущим грузовиком след в след. В выхлопном облаке. У Винса заслезились глаза.

– Какой урод! – крикнул Винс, и Лемми кивнул.

Легкие Винса стянулись в тугий узел; грудь саднило. А еще что-то было со зрением.

– Эй, ты, убери свою жирную жопу с дороги! – заревел Винс.

Перекрывшая подъем фура в таком месте – неприятный сюрприз. Сколько они отъехали от закусочной... миль двадцать, не больше. Лафлин, наверное, пересидел где-то еще, – но где, ведь после закусочной другого места для остановки или съезда не было! Возможно, он припарковал фуру в тени билборда – подремать в сиесту. Или пробил шину и срочно менял колесо. Неужели важно? Совсем нет. Винс даже не был уверен, с чего он вообще думает об этом, что бесило.

Сразу за следующим поворотом дороги Рейс почти уложил «харлей» на встречную полосу, припал к рулю и ускорился с тридцати миль до семидесяти. Байк прижался к покрытию, а потом *прыгнул*. Он подрезал дорогу фуре, едва с ней сравнялся, – и скользнул обратно на свою полосу как раз вовремя, чтобы разойтись на встречной с бледно-желтым «Лексусом». Водительница «Лексуса» подала сигнал, но его звук быстро растворился в мощном реве звукового сигнала фуры.

Винс тоже увидел движущийся по встречке «Лексус», и на секунду ему показалось, что столкновение неизбежно: вот живой сын, секунда – и месиво на дороге. На несколько ударов его сердце замерло.

– *Чертов псих!* – завопил он.

– Водила грузовика? – Лемми почти орал, перекрывая клаксон. – Или Рейс?

– Да оба!

К следующему повороту Лафлин вроде бы пришел в себя – или просто посмотрел наконец в зеркало заднего вида и заметил байкеров, изо всех сил кроющих его в спину. Он выставил руку из окошка – загорелую жилистую руку с выпирающими суставами и короткими пальцами – и махнул – проезжайте.

Рой и еще двое тут же вырвались вперед и прогрохотали мимо. Остальные разбились на двойки. Теперь объехать казалось проще простого, ведь грузовик шел едва ли на тридцати. Винс и Лемми шли последними, они обогнали фуру перед очередным подъемом. Винс бросил взгляд на водителя, но не увидел ничего, кроме выставленной в окно темной руки. Через пять минут они оставили фуру так далеко за собой, что даже звук ее мотора растаял в воздухе.

Они втянулись на высокое открытое пустынное плоскогорье: справа от дороги полынй и кактусы, слева – скалы, с желтыми и красными полосами меловых отложений. Они ехали сейчас навстречу солнцу, и удлиняющиеся тени двигались за ними следом. Редкие дома, несколько трейлеров – они проскочили жалкую пародию на настоящий городок. Байки растянулись едва не на километр; Винс и Лемми так и держались сзади. Но сразу за горе-городком Винс увидел, что Команда притормаживает на обочине: впереди лежал четырехсторонний перекресток и поворот на Шестое шоссе.

За перекрестком, к западу, их хайвэй был раскопан. Оранжевый знак предупреждал: «Ремонтные работы. Следующие 20 миль – будьте готовы снизить скорость». Вдали виднелись грузовики и грейдер. Глиняная взвесь расплзалась во все стороны, и дорожные рабочие трудились в облаках красной пыли.

Винс не слышал о ремонте: прежде они тут не ездили. Возвращаться этой дорогой предложил Рейс, и тогда идея пришлась Винсу по душе. Оказаться подальше от двойного смертоубийства, не мозолить никому глаза – ради такого и по плохой дороге проехать не страшно. Впрочем, конечно же, Рейс предложил такой маршрут вовсе не из осторожности или страха.

Винс притормозил и опустил ногу на землю.

– Что такое?

Словно еще не понял.

Рейс махнул рукой в сторону от дорожных работ, вдоль Шестой трассы.

– Если ехать по Шестерке, доберемся до Сорокового перекрестка...

– ...и Шоу Лоу. И почему меня это не удивляет?

Рой Клавз ткнул пальцем в самосвалы:

– Чем плестись пять миль в час по этому дерьму двадцать миль, по мне, так лучше катить с огоньком и, может, еще и ухватить по пути шестьдесят грандов. Такая у меня мысль.

– Голову не надавило? – спросил Лемми. – От мысли? Я слышал, по первому разу больно. Ну как цыпочка впервые ты сам знаешь что.

– Отвали, Лемми!

– Когда мне понадобится твое мнение, Рой, – произнес Винс, – я тебя спрошу. А пока притормози.

Рейс спокойно и рассудительно проговорил:

– В Шоу Лоу вам двоим не обязательно задерживаться. Никто слова против не скажет, если вы решите уехать.

Вот как.

Винс обвел глазами парней. Молодые встретили его взгляд, не опуская лиц. Те, кто постарше, те, с кем он гонял десятилетиями, смотрели в землю.

– Я страшно рад, что никто мне слова не скажет против, – заметил Винс. – А то я уж волновался.

Вспышкой мелькнуло воспоминание: ночь, и они с сыном едут на машине, на «Понтиаке». В те дни он еще старался ездить прямой дорожкой. У него была семья, Мери. Деталей той поездки он сейчас не помнил. Куда они тогда ехали, откуда? Он помнил другое. Взгляд в зеркало заднего вида и лицо десятилетнего сына, покрытое пылью, хмурое, надутое. Они остановились у прилавка с гамбургерами, но ребенок отказался от еды, сказал, что не голоден. Он согласился только на фруктовое эскимо, а потом взбрыкнул, когда Винс принес лаймовое вместо виноградного. Он так его и не съел, и на кожаном сиденье осталась растаявшая лужица. А потом, когда они отъехали от гамбургеров на двадцать миль, Рейс заявил, что у него урчит в животе.

Винс посмотрел в зеркальце и сказал: «То, что я твой отец, еще не значит, что я должен быть от тебя в восторге». И мальчишка поймал его взгляд, уставился в ответ. У него дрожал подбородок, он изо всех сил давил слезы, но глаз отводить не желал. И во взгляде сына Винс увидел яркую ненависть.

Почему Винс вообще это произнес? Пойди тот разговор по-другому, возможно, не было бы ни Аль-Фаллуджи, ни позорного увольнения из армии за то, что смылся на своем грузовике из-под огня, подставив отряд под минометы неприятеля. «Увольнение с бесчестьем», вот как это называется. Не было бы ни Дина Кларка, ни метамфетаминовой лаборатории. И мальчик не испытывал бы потребности все время вырываться вперед, выжимая из своей тачки семьдесят,

когда остальные дают шестьдесят. Это ведь собственного отца ребенок всю жизнь старается оставить позади. Всю жизнь.

Винс, прищурившись, посмотрел назад – и там снова была эта чертова фура! Винс видел ее сквозь знойное марево над дорогой. Она казалась почти фата-морганой, миражом: громоздкий силуэт кабины и серебристый радиатор: Лафлин – или *Окровавлен*, если вспомнить Фрейда. Винс нахмурился, и на миг ему стало очень некомфортно: как, спрашивается, они ухитрились догнать и обойти парня, который почти час не давал себя обогнать.

Док смущенно сказал:

– Что-то надо решать, босс. Неохота переться двадцать миль по уши в грязи.

– Конечно. А то и сами будем по уши, – кивнул Винс.

И он съехал с обочины на дорогу, дал по газам, свернул налево, на Шестую трассу, ведя Команду в сторону Шоу Лоу.

Откуда-то сзади доносился меняющийся по тональности голос фуры: рев форсируемого двигателя, когда путь шел в гору, и слабый вой на ровных участках.

Желтые и красные известняки по бокам, и пустая, узкая двухполосная дорога под колесами байков. Без обочин. Они достигли вершины, потом начали спускаться в ущелье: дорога, словно рана, прорезала скальный массив скалы. По левой стороне – разбитые перила, а справа – почти голая порода.

Винс рванул вперед, догнал Лемми; потом Лемми ушел назад, и теперь рядом остался только Рейс. Отец и сын ехали бок о бок; ветер трепал черные волосы Рейса и по-киношному откидывал их назад. Солнце, теперь оседлавшее западную сторону неба, ярко горело в зеркальных стеклах его очков.

Винс посмотрел на сына. Жилистый, худой, и даже его посадка в седле байка казалась агрессивной. Он вписывался в повороты, наклоняясь к асфальту под углом в сорок пять градусов. Винс позавидовал его почти звериной грации; в то время как Рейс управлял байком, словно совершал тяжелый труд. А для самого Винса все выглядело ровно наоборот: он потому и пристрастился к мотоциклу, что это было чем угодно, но только не работой. Мелькнула праздная мысль: интересно, а Рейс хоть когда-нибудь расслаблялся за рулем?

Винс услышал позади мучительный рев мощного мотора и бросил долгий ленивый взгляд назад через плечо: как раз вовремя, чтобы увидеть, как их снова нагоняет фура. Словно выбравшийся из укрытия лев, настигший стайку газелей у водопоя. Команда шла плотной группой – как всегда: на таком рельефе они держали сорок пять, а фура сейчас неслась под шестьдесят. Винс еще успел подумать: «Он не тормозит», – когда Лафлин проломился сквозь три едущих последними байка. Раздался душераздирающий скрежет стали о сталь.

Байки летели кувырком. Один «харлей» впечатался в скалу, и его пилота – Джона Киддера, он же Малютка Джон, – выбило из седла; он ударился о камень, отлетел и канул под огромными мощными металлокордными колесами фуры. Еще одного байкера – Док? Ох, только не Док! – вынесло на левую, глядящую на обрыв, полосу. Перед Винсом на секунду мелькнуло бледное потрясенное лицо, широко распахнутый рот; блеснул на мгновение золотой зуб, которым Док так гордился. Не в силах совладать с управлением, Док перемахнул через руль, протаранил перила ограждения и, кувыркаясь по камням, полетел вниз. Его «харлей» опрокинулся; замок кофра сломался, и наружу посыпалось барахло.

Фура зажевала все, до чего смогла дотянуться, – только решетка радиатора сыто чавкнула.

Кровь бухала в груди Винса, распирала сердце, и на минуту стало очень больно. За следующий глоток воздуха пришлось сражаться. Все произошло на самом деле? Разбрызганные под колесами фуры байки – разум отказывался воспринимать эту картину.

Винс и Рейс влетели в очередной поворот.

Дорога в этом месте шла резко вбок и вниз. И все, что осталось от Дока, упало на дорогу перед ними. Док скатился с верхнего изгиба хайвэя, а сверху упал байк. Лязгнуло, задрожало. А потом поверх посыпалась одежда из кофра. Джинсовый жилет Дока спланировал на кучу последним, надуваясь жарким воздухом взрыва, словно парус. В шестьдесят восьмом во вьетнамском Железном треугольнике ходила шуточка: «Когда я умер, меня пустили в рай, потому что в аду я уже побывал». Столкновение с фурой произошло за поворотом шоссе, двадцатью метрами выше. И сейчас Винс и остальные выжившие оказались в той точке, куда упали тряпки из кофра, их хозяин и его байк.

Винс вывернул руль, объехал обломки – подошва скрежетнула по залатанному асфальту. Док Реджис, его друг целых двадцать лет, превратился теперь в слово из кроссворда: «консистенция – *месиво*». Он лежал лицом вниз; у левого уха в луже крови поблескивали вылетевшие зубы, и золотой среди них. Берцовые кости проткнули кожу, и красные осколки торчали сквозь дыры в джинсах. Все это Винс запечатлел в одну секунду; а потом зажмуриваться было уже поздно. Он пытался проглотить комок и не мог; в горле стоял привкус желчи.

Рейс объехал груду, совсем недавно бывшую Доком и его байком, с другой стороны. Искося посмотрел на отца. За зеркальными стеклами глаз не видно, но лицо застыло в ужасе... выражение маленького ребенка, который не вовремя проснулся, пошел искать родителей... и наткнулся на включенный телевизор и сцену из ужастика.

Винс снова обернулся. Из-за поворота вынеслись остатки Команды. Всего семеро. Фура редела следом, с такой скоростью проходя поворот, что длинная цистерна опасно кренилась вбок, едва не задевая асфальт; покрышки дымились. Потом грузовик выровнялся и ударил Эллиса Харбисона. Эллис резко взлетел в воздух, словно прыгал в бассейн с трамплина. Было почти смешно: руки, раскинутые в голубом небе... а потом он обрушился вниз и упал под грузовик. Его байк получил жесткий удар и тоже покатился кувырком под мощные колеса.

Фура преследовала Дина Кэроу, и Винс поймал его полный ужаса взгляд. Грузовик задел заднее колесо мотоцикла. Дин не удержался в седле и жестко приземлился на дорогу. Повалился с бешеной скоростью под уклон, и асфальт сдирал с него клочки кожи. А голова раз за разом билась о землю, и на грифельной доске мостовой оставалось красное многоточие его последней дороги.

А в следующее мгновение фура съела мотоцикл Дина: ударило, хрустнуло, чавкнуло, и лоурайдер, за который Дин все еще выплачивал кредит, взорвался, и вокруг грузовика распустился яркий парашют пламени. Винса в спину толкнула злая волна жара; его протащило вперед, чуть не сорвало с седла. Он ждал, что горючее в цистерне сейчас сдетонирует, и фура тоже взорвется. Однако этого не произошло. Грузовик, рыча, пронес сквозь пламя черные от сажи бока цистерны; колеса и несущая система дымили; фура же оставалась неповрежденной и только набирала скорость. Винс знал: «Мак» – машина быстрая, новые модели имеют под капотом мощнейшую электросиловую установку, – но вот так?..

Наддув? Может у этой чертовой таратайки быть дизель с наддувом?

Винс летел по шоссе, чувствуя, как дымится передняя крышка. Они сейчас приближались к нижней точке спуска; там дорога выравнивалась и переходила в горизонталь. Рейс держался чуть впереди. В зеркале заднего вида мелькали силуэты других выживших: Лемми, Персика и Роя.

А грузовик снова нагонял.

Они могли сделать его на подъеме – влегкую, – но здесь и сейчас подъемов *не было*. На двадцать миль вперед не было, если память ему не изменяет. Фура прицелилась в Персика – смешного парня, особенно смешного, когда он пытался быть серьезным. Персик в ужасе обернулся через плечо, и Винс знал, что сейчас видят его глаза: надвигающуюся блестящую морду нефтевоза. Настигающую.

Нахрен такие мысли! Выводи парней!

Это ведь его дело, его обязанность – выводить. Рейс еще держался, но вел словно на автопилоте: лицо застыло, взгляд направлен только вперед, как будто у него загипсована шея. Винса пронзила мысль – страшная и забавная одновременно, – что именно так Рейс и выглядел в тот день, когда в Аль-Фаллудже, бросив своих, спасался от минометного огня.

Персик выжимал из байка все что мог, и ему удалось чуть-чуть оторваться. Фура громко засигналила, словно в гневе и отчаянии. Или издеваясь. Так или иначе, старина Джорджия Пич по кличке Персик лишь оттянул казнь. Винс слышал, как водила грузовика – Лафлин или, черт его, сам дьявол из ада! – переключил передачу. Господи, да сколько сил в его движке? Дистанция начала сокращаться. Винс не думал, что Персик сможет снова ее разорвать. Его байк и так уже выдавал все, на что способен. Так что или фура все-таки его настигнет, или сначала мотоцикл взорвется от перегрузки, а фура настигнет его уже потом.

БЭНГ! БЭНГ! БЭНГ-БЭНГ-БЭНГ!

День раскололся вдребезги окончательно, однако это подарило Винсу идею. Все зависит от того, где точно они сейчас находятся. Винс знал эту дорогу. Он знал ее всю, все, что впереди, – но сколько лет он уже здесь не ездил! И сейчас, не в силах оторваться от руля, он, конечно, не был уверен, что это именно *то самое* место.

Рой что-то швырнул через плечо, что-то, блеснувшее на солнце. Предмет ударился в грязное лобовое стекло фуры и отлетел. Мачете! Грузовик рывкнул, выпустил особенно густой клуб черного дыма, водила снова налег на клаксон...

БЭНГ-БЭНГ! БЭНГ! БЭНГ-БЭНГ-БЭНГ!

В дыму и череде взрывов это звучало как безумная азбука Морзе.

Если только... Господи боже, если только...

И да. Впереди висел знак настолько замызганный, что едва можно было разобрать: «Кумба 2».

Кумба. Драная Кумба. Жалкий шахтерский поселок на склоне холма; центр цивилизации, где всех достопримечательностей – пяток игровых автоматов и старый хрыч, торгующий изготовленными в Лаосе индейскими одеялами навахо.

Две мили – это быстро, когда ты и так уже несешься на восьмидесяти. Это совсем быстро, и времени на раздумья больше не будет.

Остальные парни посмеивались над аппаратом Винса – вполне добродушно, впрочем, и только в шуточках Рейса слышалась издевка. Винс ездил на оттюнингованном «Кавасаки Вулкан 800» с выхлопными трубами от «Кобры» и сделанным под заказ седлом. Кожаным и красным, как пожарная машина. «Зато мягонько» – так Джим Кэроу однажды назвал это сиденье.

– Да насрать на него, – мрачно ответил тогда Винс, и, когда Персик, торжественный, точно проповедник, сказал: «Уверен, ты справишься», – все сложились от хохота.

Само собой, парни нарекли «Вулкан» «японочкой». И еще Винсовой «Красной Худышкой». Док – тот самый Док, который сейчас был размазан по дорожному полотну за их спиной, – любил называть его «мисс Фудзияма». Винс только улыбался, словно знал нечто им неизвестное. Может, даже и вправду знал. Он довел «Вулкан» до приличного состояния и на этом остановился. Хорош разводить суету. Рейс не остановился бы, но Рейс молодой парень, а молодежи интересно, где предел возможностей. Сейчас Винсу тоже предстояло выяснить, где этот предел.

Он выжал до упора.

«Вулкан» откликнулся не ревом, но стоном и почти вырвался из-под своего пилота. Перед Винсом мелькнуло белое лицо сына – и исчезло сзади. Все осталось сзади: люди, машины – и его ноздрей коснулся запах пустыни. Впереди была только грязно-серая полоса асфальта и ведущая затем влево дорога на Кумбу. Справа медленным изгибом уходила Шестерка. На Шоу Лоу.

Винс посмотрел в зеркало заднего вида: парни шли плотной группой, и Персик тоже сохранял строй. Винс испугался, что фура все-таки задела Персика, а возможно, и всех остальных, – но тот сидел в седле вполне уверенно, слегка отклонившись назад. Как и сам Винс, Персик знал, что ближайшие двадцать миль подъемов не будет. После поворота на Кумбу хайвэй шел вверх, и по обе стороны бежали перила ограждения; Винс представил, каково здесь перегоняемому скоту.

Однако ближайшие двадцать миль принадлежали Лафлину.

Пожалуйста, пусть сработает.

Винс отпустил ручку газа и начал ритмично нажимать тормоз. И четверо едущих следом за ним байкеров увидели – если смотрели, конечно, – вспышку тормозного фонаря: долгая вспышка... короткая... долгая... пауза. А потом снова. Долгая... короткая... долгая. На эту мысль его навел клаксон фуры. Однако его звук был *только похож* на морзянку, а сигнал, который подавал Винс, включая и выключая тормозной фонарь, и являлся азбукой Морзе.

Буква R, «*вас понял*».

Рой и Персик могут это понять, Лемми поймет наверняка. А Рейс? Учат ли сейчас морзянке? Учат ли парней в теперешних войнах «ненужной» азбуке Морзе, если любая командная техника оснащена GPS, а ракеты наводятся через спутник?

Приближался поворот на Кумбу. Винсу хватило времени, чтобы передать букву R еще раз. Теперь он надеялся, что его поймут. Он отвел руку влево в жесте, который Команда знала отлично: *Съезд с хайвэя. Следовать за мной*. Лафлин увидел сигнал – Винс на это и надеялся – и со всей скоростью вписался в поворот. В тот же миг Винс выкрутил газ. «Вулкан» завизжал и мощно рванул. Он накренился вправо и понесся по основной дороге. Остальные следовали за ним. Но не фура. Лафлин уже ехал по проселку в сторону Кумбы. Если бы он постарался сейчас снова вырулить на основную дорогу, машина бы опрокинулась.

Винс ощутил прилив восторга и торжествующе сжал кулак. *Мы это сделали! Твою же мать, мы это сделали! Пока гребаная колымага будет поворачивать, мы пройдем те девять миль до...*

Мысль обломилась, как сухая ветка, едва он взглянул в зеркало заднего вида. За ним ехало три мотоцикла, не четыре: Лемми, Персик и Рой.

Винс резко развернул корпус влево, чувствуя, как трещит позвоночник. Он уже понимал, что сейчас увидит. И увидел. Фура оставляла за собой гигантский шлейф рыжей пыли; цистерна была уже так покрыта грязью, что утратила последний блеск. Однако в полусотне метров впереди нее что-то отсвечивало. Винс понял, что: хромированные трубы и двигатель «харлея». Рейс или не знал морзянку, или не поверил своим глазам, или не заметил сигнала вообще. Винс вспомнил восковое, застывшее лицо сына и подумал, что наиболее вероятен последний вариант. Рейс перестал воспринимать остальных членов Команды – он *ослеп* ровно в тот момент, когда осознал: за ними несется не просто потерявший управление грузовик, но убийца, настроенный их всех уничтожить. Отмашку Винса он различил, однако в тот момент видел только отца, а парней – нет. Своего рода туннельное зрение. Что это было, паника? Или животный инстинкт самосохранения? Или, когда доходит до дела, разницы между ними нет?

Рейсов «харлей» скользнул за холм. Следом скрылась и фура – на дороге остался лишь пылевой след. Винс велел себе собраться. Если ему не изменяет память – в чем он весьма сомневался, ведь ездил по этой трассе года два назад, – ветка проходит сквозь Кумбу, потом отклоняется и снова вливается в Шестерку в девяти милях впереди. Если Рейсу удастся удерживать дистанцию...

Вот только...

Вот только, если ситуация не изменится, сразу за Кумбой начнется плотный грунт, а там в это время года часто бывают песчаные наносы. Грузовик пройдет нормально, но мотоцикл...

Шансы Рейса пережить последние четыре мили девятимильного участка были призрачны. А вероятность, что «харлей» завалится и Рейс вылетит через руль, – наоборот, очень велика.

В голове Винса словно мелькали снимки разных лет: Рейс на трехколесном велосипеде: юный Воин дороги. Рейс, в упор смотрящий на отца с заднего сиденья «Понтиака»; лужица растаявшего мороженого, в глазах ярко плещется ненависть, нижняя губа трясется. Рейс в восемнадцать: он одет в военную форму; он надменно улыбается – герой.

Последним возник образ мертвого Рейса – сломанной куклой на дорожном полотне, и только кожаная одежда не дает кукле развалиться на части.

Винс прогнал эти картины. Они не помогут. Да и копы не помогли бы, факт. И какие здесь копы, в Кумбе? Если даже кто-то увидит, как фура гонится за байком, он позвонит в полицию штата, – однако ближайший полицейский сидит сейчас где-нибудь в Шоу Лоу, слушает кантри, пьет кофе, ломает пирог и любезничает с официанткой.

Здесь есть только они сами. Впрочем, это и так понятно.

Он вытянул руку вправо и взмахнул сжатым кулаком. Остальные трое заняли места от него по бокам и чуть сзади. Двигатели бушевали, воздух над глушителями чуть мерцал.

Лицо Лемми осунулось и как-то резко пожелтело.

– Он не видел сигнала заднего фонаря! – крикнул он.

– Не видел или не понял? – завопил Винс в ответ. Его трясло. Хотя, возможно, мотоцикл сотрясался под ним. – Все одно! Что там у нас с «Мальчуганом»?

Сначала Лемми не сообразил. Потом согнулся к правой седельной сумке и рванул лямку. Из ткани, никакого пластика. Все-таки Лемми – человек старой закалки.

Пока он возился, сзади загрохотало оружие. Рой слетел с катушек. Он развернул байк и принялся стрелять по направлению на восток. Его тень теперь бежала перед ним: черный изломанный силуэт. На спине кожаной жилетки красовалось: «Не сдавайся. Не отступай».

– Назад, Клавз, сукин сын! – завопил Персик.

Его рука соскользнула с рычага. Мотоцикл накренился и нырнул вперед, почти под ногу Винса, плюнул вонючим дымом и забуксовал. Впрочем, Персик, похоже, этого не заметил. Он все еще смотрел назад. Взмахнул кулаком; его редкие седые волосы вихрились вокруг узкого длинного черепа.

– Назад, сукин сын, скотина!

Рой не повернул. Даже не оглянулся.

Персик посмотрел на Винса. Слезы текли у него по щекам, побуревшим за сотни рейдов и тысячи попок. Сейчас он выглядел старше, чем пустыня под его ногами.

Что этот ублюдок делает, а, Винс? Ты ведь с ним разберешься, а? А я помогу.

Винс обернулся к Лемми:

– Быстрее! Быстрее, черт тебя подери!

И ровно когда он подумал, что сейчас Лемми вытянет пустышку, старый друг выпрямился с «Мальчуганом» в затянутой в перчатку руке.

Команда не брала в рейды оружие. Такие байкеры-изгои никогда его не берут. На всех в полиции имелись досье, и любой коп в Неваде счел бы за счастье закатать нарушителя в тюрьму на тридцать лет за незаконное ношение оружия. Одного или сразу всех – как выйдет. Они носили ножи, но в такой ситуации ножи бесполезны: что, сильно Рою помог его мачете? Да и сам Рой особенной пользы не приносил. Ну если не считать убийства обдолбанных маленьких девочек в школьных свитерах.

«Мальчуган», хоть и не сказать, что сильно легальный, оружием не был. И обнаруживший его коп («при поиске наркотиков» – эти свиньи всегда «ищут наркотики») вставил, конечно, Лемми фитиль за объяснение, что это более надежная штука, чем дорожный фонарь, если ты поломался ночью. Возможно, коп понял, что перед ним; возможно, нет, – однако он знал, что

Лемми – ветеран Вьетнама. Не просто по ветеранскому номерному знаку на мотоцикле – тот мог быть украден, – но и потому, что сам коп был ветераном тоже. «Долина Ашау, где даже дерьмо пахнет слаще», – сказал он, и они оба засмеялись и ударили кулаком о кулак.

«Мальчуган» – граната шокового действия М84, более известная как светошумовая граната. Лемми держал ее в кофре уже лет пять и часто повторял, что в один прекрасный день она их всех выручит, включая Винса.

По всему, «один прекрасный день» наступил сегодня.

– Интересно, эта хрень еще не протухла? – прокричал Винс, подвешивая «Мальчугана» на руль. На гранату он не походил – скорее на смесь колбы от термоса и баллона с аэрозолем. Единственное, что наводило на мысль о гранате, – вытяжное кольцо, сейчас заклеенное скотчем.

– Без понятия! Я вообще не представляю, как ты...

У Винса не было времени обсуждать логистику. У него была всего лишь смутная идея, и с логистикой она соотносилась слабо. *«Пора ехать! Этот мудака скоро окажется на дороге по другую сторону Кумбы. Значит, и мне надо оказаться там в то же время!»*

– А если Рейс не удержит дистанцию? – спросил Лемми.

Спросил. До сих пор они продолжали перекрикиваться: в крови кипел адреналин. Было даже странно услышать почти обычный тон голоса.

– Ну как-нибудь, – ответил Винс. – И... вам нет нужды ехать со мной. Вам обоим. Я пойму, если вы повернете. Все-таки мой сын.

– Так оно так, – отозвался Персик, – но это наша команда. Ну была команда.

Он запрыгнул в седло и завел мотор.

– Я с тобой, кэп.

Лемми просто кивнул.

Винс тронулся с места.

Он ошибся в расчетах: не девять миль, а семь. Навстречу им не попало ни одной машины, ни грузовика, ни легковушки. Дорога была пустынной; возможно, все водители направились в объезд из-за ремонтных работ. Винс ехал и поглядывал налево. Иногда он видел красную пыль: фура мчалась вперед в половине пустыни сбоку. А затем перестал видеть даже пылевой след: дорогу заслонили изъеденные известняковые холмы.

«Мальчуган» покачивался на петле. Армейские запасы. *Интересно, эта хрень еще не протухла*, спросил он у Лемми – и только сейчас понял, что спрашивать надо было себя. Когда в последний раз ему приходилось вот так мчаться на пределе сил, выкрутив газ до упора? Когда в последний раз весь мир сужался до мучительного – совершенно буквального – выбора: жить ясно или умереть смеясь? И как так вышло, что его собственный сын, такой весь из себя классный в новой косухе и зеркальных очках, упустил из вида этот простой урок?

Живи ясно или умри смеясь, – но только не беги. Не беги, мать его так!

«Мальчуган» работает. Или нет. Впрочем, Винс знал, что в любом случае его выступление состоится, и в голове у него делалось легко и весело. Если стекло в кабине фуры поднято, ничего не сложится. Однако у закуской стекло было опущено. Винс хорошо помнил выставленный из окна локоть. А позже – разве водила не помахал им из своей кабины? Помахал. Точно.

Семь миль. Пять минут. И хватит времени на воспоминания: как он учил сына менять моторное масло и никогда – нечестным трюкам на дороге; как учил управляться со свечами зажигания и никогда – мошенничать за игрой. Сейчас самое время спросить себя: как же ты позволил мальчику влезть в проклятое дело с метом, как дал согласие? Ведь все понимал! А очень просто: согласился в надежде, что можно что-то искупить, исправить. Только вот время для искупления миновало.

Винс почти лег на руль, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Он несся под восемьдесят пять миль в час. Он несся, и голову терзала ужасная мысль; ужасная, мерзкая, но избавиться от нее он не мог. Возможно, для всех причастных будет лучше, если Лафлин догонит сына? Он вспоминал сейчас не то, как Рейс, обозленный потерей денег, бросает саперную лопатку в голову беспомощного человека. Это само по себе скверно, но думалось о другом. Перед глазами стоял застывший, пустой взгляд сына, когда тот свернул на дорогу к Кумбе.

А еще он снова видел Команду. И тот спуск. И как жуткая махина расправляется с парнями, с одним за другим. Они боролись тогда, пытались уйти из-под удара. Они были живы до последнего мгновения, до последнего мига борьбы. А Рейс при первой угрозе немедленно превратился в камень, в истукана с затвердевшей шеей. Он смотрел только на дорогу к спасению – ни на парней, ни на отца. Вокруг не было ничего, что стоило бы увидеть. Возможно, и никогда в жизни не было.

Сзади раздался грохот, а еще крик, который он разобрал даже сквозь рев ветра и рычание двигателя: «Сука!» Он посмотрел в зеркальце заднего вида и увидел, что Персик закидывается назад. Между его ногами-спичками повалил густой чадный дым. На дорожном покрытии за мотоциклом разливалось масляное пятно, становилось все больше... шире... байк двигался все медленнее... медленнее. Рванул цилиндр... Чудо, что этого не произошло раньше.

Персик отчаянно махал руками им вслед. Мог ли Винс остановиться? Вопрос, можно ли пожертвовать Персиком ради Рейса, не имел смысла. Вопрос выкупа одного за счет другого не стоял вообще. Однажды коп в Аризоне тормознул их и произнес: «О'кей, посмотрим, кого это нам отрыгнула дорога». Собственно, именно этим выражением их и можно было назвать: отрыжка дороги. Однако тела, которые сейчас валялись изломанными на дорожном полотне за его спиной, еще сегодня утром двигались, ездили, дышали; они были его друзьями – единственное, что у него имелось ценного. Они все были Винсу в каком-то смысле братьями, а Рейс был сыном. Ведь если кто-то уничтожает семью мужчины, он же не рассчитывает остаться безнаказанным? Нельзя подставить чьих-то близких под нож мясника на бойне – и просто уехать. Если Лафлин этого и не знал, то сейчас узнает.

Совсем скоро.

Лемми не мог держаться наравне с «Красной Худышкой». Он все больше и больше отставал. И отлично. Винс даже порадовался, что Лемми еще прикрывал его спину.

Вперед, до знака «Входящий поток слева». Из Кумбы выворачивала дорога. Очень плотная грунтовка, как он и боялся. Винс сбросил скорость, потом остановился и заглушил двигатель «Вулкана».

Подъехал Лемми. Ограждения тут не имелось. В этом единственном месте, где в Шестерку вливалась дорога из Кумбы, хайвэй был на одном уровне с пустыней, хотя чуть впереди он начинал забираться вверх, снова убегая из зоны затопления, снова превращаясь в тесную клетку для скота.

Лемми тоже заглушил двигатель.

– Ждем.

Винс кивнул. Досадно, что он больше не курит. Он сказал себе: либо Рейс сейчас по-прежнему в седле впереди нефтевоза, либо нет. От самого Винса ничего не зависит. Чистая правда, однако от этого не легче.

– Может, он найдет, где свернуть, в самой Кумбе, – произнес Лемми. – Переулок там или что-нибудь в этом роде, куда фура не пролезет.

– Вряд ли. Сколько той Кумбы? Заправка, пара домишек, все это ютится у подножия чертовой горы. Там скверная дорога.

Особенно для Рейса скверная.

Он даже не попытался рассказать Лемми о пустом, оцепенелом лице сына; о глазах, которые не видят ничего вокруг – только дорогу под передним колесом. Кумба останется в памяти Рейса одним смазанным пятном сбоку от дороги – и то не факт.

– Может... – снова начал Лемми, но Винс вскинул руку, призывая к молчанию. Слева.

Сперва они услышали грузовик, и сердце Винса ухнуло вниз. Затем, сквозь рев его мощного двигателя, различили звук второго мотора. Никаких сомнений – «харлей», несущийся на всех парах.

– Йес!!! – взревел Лемми и победно вскинул руку.

Винс его восторгов не разделял. Еще ничего не кончено. Мальчику предстоит поворот на Шестерку. Если он решится сворачивать, то только здесь.

Прошла первая минута. Звук двух моторов становился громче. Пошла вторая, и теперь они уже видели пыль за ближайшими холмами. Затем в ближайшей расщелине они заметили солнечный отблеск на хrome. А потом и Рейса: он прильнул к рулю, длинные волосы летят по ветру за спиной. Увидели на миг – и все. Через секунду после того, как он скрылся из вида, – секунда, не больше, – расщелину проскочила фура, вся в клубах черного дыма. А потом Лафлина закрыла туча пыли.

Винс запустил стартер, и двигатель ожил.

– Удачи, кэп, – проговорил Лемми.

Винс открыл рот, собираясь ответить, – и ничего не сказал. Красивые слова никому не нужны. Он просто благодарно кивнул и тронулся с места. Следом вырливал Лемми. Как всегда, прикрывая спину.

Мозг Винса превратился в компьютер, сопоставляя дистанцию и скорость. Требовалось подгадать очень точно. К перекрестку он подкатил на пятидесяти, там сбросил до сорока, затем, едва появился Рейс, снова выкрутил ручку газа до упора, и байк обогнул заросли перекати-поля, чуть не взлетая на неровностях. Между ним и фурой оставалось не больше десяти метров. Когда Рейс приблизился к участку, где грунтовка от Кумбы подходила к главной дороге, он сбросил скорость. Он не мог не сбросить. В тот же миг Лафлин рванул вперед, съедая последнее расстояние.

– *Гони, идиот!* – завопил Винс, хотя знал, что сквозь рев фуры Рейс его не услышит. – *Гони! Не тормози!*

Водила планировал нанести удар в заднее колесо. «Харлей» Рейса влетел на развилку дороги, еле сохраняя равновесие. Рейс почти лег на левый бок, удерживая руль только кончиками пальцев. Совсем как лихой наездник на арене цирка.

Фура промазала по заднему крылу мотоцикла, и ее тупой нос угодил в зону разреженного воздуха, которое образовалось там, где всего десятую долю секунды назад было заднее колесо «харлея».

Поначалу Винс решил, что Рейс потерял управление.

Не потерял. Его вынесло к дальнему краю Шестого шоссе, опасно близко к траектории обезумевшей фуры. «Харлей» взбил колесами пыль, а потом помчался вперед, устремляясь по Шестерке в сторону Шоу Лоу.

Фура вылетела с дороги на полотно пустыни и там развернулась, завывая и пробуксовывая. Водитель переключил передачу, орудуя рычагом так быстро, что кабина содрогнулась, и поехал. Из-под колес летели песок и пыль – так, что голубое небо, кажется, побелело. Оставляя за собой глубокие следы и раздавленную полынь, фура снова выбралась на дорогу и понеслась за Рейсом.

Винс вывернул левую ручку, и «Вулкан» тронулся. «Мальчуган» суматошно мотался на руле. Теперь настал черед легкой части плана. Она могла принести Винсу смерть, но все равно, по сравнению с бесконечными минутами, пока они с Лемми ждали, раздастся ли вместе со звуком двигателя фуры еще и голос мотоцикла, это было легко.

Ты же понимаешь, открытого окна там не будет. Он только что еле продрался сквозь пыль, с какой стати там открытое окно?

Это от Винса не зависело. Если окошко закрыто, что ж, разберется, там видно будет.

Уже недолго.

Фура шла под шестьдесят. Наверняка могла бы и быстрее, однако Винс не желал испытывать судьбу: мало ли какие сюрпризы у водилы в загашнике? Так что хватит. Так или иначе, для кого-то из них сейчас все закончится. Вероятно, для него, и эта мысль его не пугала. По крайней мере, он купит Рейсу больше времени: вырвавшись вперед, Рейс легко сделает фуру по дороге на Шоу Лоу. И потом, это не просто поможет Рейсу, – это еще и уравновесит весы. Винс никогда не терял такое количество людей так быстро: шестеро из Команды погибли на участке дороги меньше чем в полмили длиной. *Нельзя просто так уничтожить семью мужчины*, снова подумал он.

И рванул вперед.

В общем, Винс понимал, чем руководствуется Лафлин. Десять против одного? Плевать! Ему было плевать, сколько их, есть ли у них оружие. Он кидался сразу на двоих, на троих – несмотря на то, что каждое столкновение грозило тяжелому грузовику потерей управления. А если учесть, что у него в цистерне...

Безумие? Да. Однако назвать его бессмысленным нельзя.

Винс вылетел на встречную полосу и принялся сокращать дистанцию с фурой. Теперь задний край цистерны был чуть впереди от него и справа, и он увидел то, что не только подвело итог сумасшедшему дню, но и объяснило все произошедшее, ясно и однозначно.

Наклейка на бампере. Еще более затертая, чем дорожный указатель на Кумбу, но все же читаемая.

«Гордый отец золотой выпускницы Кормана!»

Винс поравнялся с заляпанной цистерной. В кабине со стороны руля что-то шевельнулось. Водитель его заметил. И в ту же секунду Винс обнаружил, что окно захлопнулось – точно как он боялся.

Фура заскользила влево и парой колес заехала за белую разделительную линию.

На миг Винс засомневался: сдать назад или держаться вровень. Затем счетчик в его голове щелкнул: уже поздно. Даже ударь он сейчас со всей дури по тормозам, хвост фуры все равно швырнет его на ограждение слева. И скинет с дороги, как муху.

Так что он, наоборот, дал по газам, хотя свободное полотно под колесами байка сузилось и справа от Винса на высоте коленей неслась лента сверкающей стали. Сдернул световую гранату с руля, оборвав крепежный ремень. Стащил зубами клейкую ленту с натяжного кольца, и размочаленный конец ремня хлестнул по щеке. Кольцо забрякало по перфорированному корпусу «Мальчугана».

Солнце село. Винс несся сейчас в тени нефтевоза. Слева от мотоцикла до перил ограждения оставалось меньше метра; справа нависал неумолимо приближающийся бок фуры. Теперь Винс ехал вровень со сцепкой цистерны и кабины. В нескольких метрах впереди удирал от фуры Рейс. Отец видел только его макушку; остальное загораживал вишневый капот. Рейс не оглядывался.

Он не думал о том, что будет дальше. Ни плана, ни стратегии. Здесь и сейчас «отрыжка дороги» выплевывала миру свое «пошел на»... По большому счету, вся логика бытия Команды сводилась именно к этому.

Когда мотоцикл и фура почти соприкоснулись и места для маневра не осталось уже совершенно никакого, Винс поднял правую руку и показал водителю средний палец.

Теперь он ехал вплотную к кабине. Фура надвигалась. Еще миг – и его снесет.

У него оставался только этот миг.

Внутри кабины обозначилось движение: к стеклу изнутри приблизилась загорелая рука с татуировкой Корпуса морской пехоты. Мышцы напряглись, и стекло скользнуло вниз, до упора. Один миг. Не последний. Фура еще не сокрушила его. *Возможно, мы служили где-то рядом. Скажем, в Долине Ашау, где даже дерьмо воняет слаще.* Или водитель служил в песках с Рейсом – почему-то на войну в Ираке призвали много ветеранов. Не важно. Одна война ничем не отличается от другой.

Стекло опустилось, и из него высунулась рука. Пальцы ее начали складываться в фигуру, потом замерли. Водитель фуры только сейчас понял: рука, которая показывала ему оскорбительный жест, отнюдь не была пустой, она что-то сжимала. Винс не дал ему времени это осознать до конца – и не успел увидеть его лица. Только мелькнувшую перед глазами татуировку: «Честь выше жизни». Хорошо сказано; интересно, как часто выпадает шанс подарить человеку способ узнать про себя главное?

Винс зажал кольцо зубами, выдернул, услышал шипение начинающейся реакции – и швырнул «Мальчугана» в окно кабины. Ни голливудского замаха, ни даже дрянного баскетбольного броска. Просто вверх и вбок. Фокусник с измятым платком в рукаве.

Как тебе такое, братан? Давай-ка заканчивать спектакль. Твой ход.

Однако грузовик уклонился в сторону. Винс не сомневался, что это просто рефлекс – Лафлин увернул руль от броска – и, останься хоть сколько-то времени, фура вильнула бы в обратную сторону. Но именно нехватка этого мига спасла Винсу Адамсону жизнь: «Мальчуган» выполнил свою работу прежде, чем водитель успел выправиться и снести его с дороги.

Кабина осветилась изнутри ярким белым пламенем, словно сам Господь наклонился с Небес и нажал на вспышку, желая запечатлеть сей миг для вечности. Вместо того чтобы снова вильнуть влево, Лафлин резко подал вправо: сначала на полосу Шестого хайвэя, а потом еще дальше. Корпус нефтевоза с громким скрежетом слизнул ограждение – брызнули искры, – и вспыхнул огонь. Тысяча безумных фейерверков. В голове у Винса мелькнуло: День независимости; маленький Рейс сидит у него на коленях, и волшебные сполохи праздничных огней отражаются в восхищенных темных глазах ребенка.

Фура проломила перила и закувыркалась, складываясь внутрь себя, словно была сделана из жести. Упала с шестиметровой насыпи, ткнулась носом в ров, занесенный песком и сухой травой. Колеса застряли намертво; фуру развернуло. Цистерна налетела на кабину.

Винс не сразу успел погасить скорость и остановиться, а потому проехал далеко вперед. А вот Лемми видел все. Кабина и цистерна сложились под углом, а потом их отломало друг от друга. Сначала закувыркалась цистерна, а через пару секунд – и кабина. Цистерна оделась пламенем, а затем раздался взрыв. Все вокруг окутало коконом огня и чадными клубами густого дыма.

Мимо, прыгая на камнях, прокатилась кабина, с каждым оборотом все дальше уходя от привычных цветов и очертаний и превращаясь в нечто бесформенное, бурое... Там, где плавился и тек металл, оно красиво извергалось яркими осколками солнца.

Наконец комок бывшей автомобильной упорядоченной плоти замедлился и вовсе замер, явив небу покореженные остатки окна. Цистерна пылала еще на полсотни шагов дальше, фонтанируя огнем. К этому моменту Винс уже мчался назад по следам собственных шин.

Он увидел фигуру, которая пыталась проташить себя через заклинившее окно. К нему повернулось лицо. Впрочем, лица и не было – только кровавая маска. Водитель выбрался по пояс, а дальше застрял. Лишь загорелая рука – рука с татуировкой – торчала вверх, словно перископ подводной лодки. Кисть ее медленно болталась туда и сюда.

Винс остановился у байка Лемми, задыхаясь и ловя ртом воздух. На миг замер, не в силах сдвинуться с места, а потом наклонился, уперев ладони в колени, и почувствовал себя чуть лучше.

Лемми сказал хрипло:

– Ты все-таки достал его, кэп.

– Надо бы убедиться наверняка.

Хотя торчащая перископом застывшая рука и качающееся запястье вроде бы дополнительных доказательств не требовали.

– Сделаем, – отозвался Лемми. – Заодно отолю.

– Не на него же, живой он там или нет, – заметил Винс.

Послышался рев «харлея»: возвращался Рейс. Он эффектно опустил подножку, заглушил двигатель, спешил. Его покрытое пылью лицо сияло восторгом и торжеством. Винс не видел сына таким радостным с двенадцатилетнего возраста. Тогда он выиграл грунтовую гонку на микролитражке, которую Винс для него соорудил: желтый болид на двигателе от газонокосилки. Когда сигнальный флаг опустился, отмечая финиш, Рейс вылез из кабины с точно таким же выражением лица.

Вот и сейчас он вскинул руки и обнял Винса.

– Ты это сделал! Сделал, отец! Ты поджарил этого мудака!

На краткий миг Винс принял объятие. Потому что последний раз его так обнимали давным-давно. И еще потому, что это было искренним порывом его испорченного сына. Подобные порывы случаются со всяким человеком. Винс продолжал верить в это даже в старости; даже после всего увиденного. Так что он ответил на объятие и испытал радость, ощущая живое тепло, – и пообещал себе этот миг запомнить.

Затем он ошупал грудную клетку сына. Нажал. Ребра целы. Рейс переступил ногами в сапогах из змеиной кожи; выражение любви и торжества угасало.

Нет, не угасало. Истайвало. На лице сына снова проявлялась гримаса, хорошо знакомая Винсу: недоверие и неприязнь.

Да нет... Почему он решил, что неприязнь? Это никогда и не было неприязнью.

Это ненависть, яркая, острая.

Ты помог? А теперь иди к черту.

– Как ее звали? – спросил Винс.

– Что?

– Имя, Джон. – Он годами не называл Рейса настоящим именем, но теперь их никто не слышал. Лемми скользил по заносам к комку раздавленного металла, который еще недавно был кабиной «Мака», и не препятствовал душевному семейному разговору.

– Тебе-то что?

Чистое презрение. Винс протянул руку и сдернул чертовы зеркальные очки. И увидел в глазах Джона «Рейса» Адамсона правду. Он ее узнал. Для Винса наступил момент истины – так они раньше говорили во Вьете. Интересно, в Ираке это выражение сохранилось или исчезло, как и азбука Морзе, мельком подумал он.

– Что ты собираешься делать, Джон? Поедешь в Шоу Лоу? Вытрясать из сестры Кларка деньги, которых там нет?

– Они могут там быть. – Надутый и мрачный, он сейчас подобрался. – Да они там, точно. Я знаю Кларка. Он доверял этой шлюшке.

– А как же Команда? Просто... что? Забудешь? Дина, Эллиса и остальных? Дока?

Рейс посмотрел на отца в упор.

– Они мертвы. Слишком медленные. И большинство слишком старые.

Его холодные глаза говорили: *«И ты тоже»*.

Лемми уже возвращался, его сапоги вздымали пыль. В руке он что-то держал.

– Как ее звали? – повторил Винс. – Девчонку Кларка? Как ее имя?

– А тебе не похер?

Рейс замолчал, не отводя от отца глаз и стараясь выиграть поединок взглядов. А потом добавил едва ли не умоляюще:

– Господи. Да уймись ты уже. Мы победили. Мы ему показали!

– Ты знал Кларка. Знал еще в Аль-Фаллудже, знал уже дома, после возвращения. Вы плотно общались. Если ты знал его, то ты знал его девчонку. Как ее звали?

– Джейни. Джоани. Что-то в таком духе.

Винс влепил сыну пощечину. Рейс испуганно мигнул, на секунду напомнив себя десятилетнего. Впрочем, только на секунду. В следующий же миг ненависть в его взгляд вернулась: густая, настоявшаяся, острая.

– Он подслушал наш разговор в закусочной, тот водила, – произнес Винс.

Терпеливо. Словно разговаривая с ребенком, которым этот взрослый парень был когда-то. Парень, ради спасения которого он только что рисковал жизнью.

Конечно, его вел отцовский инстинкт, – но Винс не жалел. Во всем случившемся кошмаре, во всей скверне это было единственным светлым моментом.

– Он знал, что врукопашную с нами не справится, но и отпустить не мог. Поэтому ждал. Ожидал подходящего момента. Пропустил вперед.

– Без понятия, о чем ты!

Рейс врал, и оба это знали.

– Он знал дорогу и поехал за нами туда, где ландшафт ему благоприятствовал. Как любой хороший солдат.

Да. А потом преследовал их с одной-единственной целью, не думая, чего это будет стоить ему самому. Предпочел смерть бесчестью. Винс ничего о нем не знал, но вдруг почувствовал: Лафлин нравится ему больше, чем собственный сын. Невозможно, немыслимо, – однако именно так.

– Несешь какую-то хрень, – процедил Рейс.

– Вряд ли. По всему выходит, он ехал повидаться с ней, когда мы пересеклись около закусочной. Вполне понятное поведение отца, который любит ребенка: приглядывать; ждать, вдруг она захочет соскочить. Дать ей шанс на что-нибудь, кроме как сколоться и скурвиться.

К ним подошел Лемми.

– Мертв.

Винс кивнул.

Лемми протянул Винсу фото.

– Вот что было за щитком.

Винс не хотел смотреть, и все же посмотрел. Снимок улыбающейся девчушки с волосами, убранными в конский хвост. На ней была кофта с надписью «Школа Корман» – та же, что и в момент смерти. Она сидела, прислонившись к серебристому радиатору фуры. На девчонке была камуфляжная кепка отца, только повернутая козырьком назад. Она шутливо салютовала, еле сдерживая смех. Кого она приветствовала? Самого Лафлина, конечно. Ведь камера было у него.

– Ее звали Джекки Лафлин, – проговорил Рейс. – Она мертва, ну и хрен с ней.

Лемми дернулся вперед, намереваясь стащить Рейса с байка и накормить выбитыми зубами. Винс остановил его взглядом. Затем обратился к Рейсу.

– Вперед, сын, – сказал он. – Держись в седле ровно.

Рейс непонимающе на него посмотрел.

– Не заезжай в Шоу Лоу: я намерен сообщить копам, что та шлюшка может нуждаться в защите. Скажу им, что один перец убил ее брата, и она может быть на очереди.

– А что ты им скажешь, когда они поинтересуются, как ты получил такую любопытную информацию?

– Все и скажу, – голос Винса был спокоен. Даже безмятежен. – Ты поезжай. Так лучше всего. Как ты уходил от грузовика... это было что-то. Я дам тебе немного времени. Удирай,

пока есть возможность. Не особо щедрый подарок, но хоть так. Так что уноси отсюда свою задницу со всех ног.

Рейс посмотрел на него, неуверенный и внезапно напуганный. Впрочем, это выражение не задержалось на его лице надолго. Всего миг – и он снова нацепил на себя гримасу «да пошло оно все к черту». Собственно, ничего больше у него и не было: только презрительное выражение лица, очки с зеркальными стеклами и быстрый байк.

– Папа...

– Лучше двигай, сынок, – вмешался Лемми. – Кто-нибудь скоро заметит дым, и здесь появится патруль из полиции штата.

Рейс улыбнулся. Из левого глаза выкатилась одинокая слезинка; она проложила след на пыльной коже.

– Просто пара сраных старикашек, – проговорил он.

И пошел к байку. Позвякивали цепи на его сапожках из змеиной кожи... Глуповато, подумал Винс.

Рейс взлетел в седло, завел мотор, тронул с места и помчался на запад, в сторону Шоу Лоу. Винс не ждал, что сын оглянется, – вот и не расстроился.

Они смотрели ему вслед. А потом Лемми спросил:

– Ну что, кэп, едем?

– Некуда ехать, старина. Вот сидеть бы так на обочине и сидеть.

– Ну, – протянул Лемми, – как хочешь. Могу посидеть за компанию.

Они отошли на обочину и сели, скрестив ноги. Словно торгующие одеялами старые индейцы; только вот одеял у них не было. Они смотрели на пустыню, на горящую фуру, на густой дым, уходящий в ясное беспощадное небо. А некоторые клочки дыма, вонючие и жирные, уносило в сторону, не вверх.

– Можем отъехать, – нарушил молчание Винс. – Если тебя не устраивает запах.

Лемми откинул голову и сделал глубокий вдох – как человек, наслаждающийся букетом дорогого вина.

– Да нет, пусть. Пахнет как во Вьетнаме.

Винс кивнул.

– Напоминает те старые деньки, – добавил Лемми. – Мы и в самом деле были тогда почти ангелами скорости.

Винс снова кивнул.

– Ну да. Живи ясно...

– ...или умри смеясь.

А потом они замолчали. Ждали. Винс сжимал в руке фотоснимок. Порой косился на него, поворачивал к свету. Какая она здесь юная, какая счастливая.

А в основном он глядел на огонь.

Карусель

Раньше ее часто изображали на почтовых открытках, вот эту карусель на краю пирса в Кейп-Магги. Она называлась «Дикая охота», и действительно, скорость у нее была о-го-го – конечно, не такая, как на американских горках, но все-таки куда выше, чем на обычных детских аттракционах. Своей куполообразной крышей в черную и зеленую полоску и с золотой каймой по краям карусель напоминала огромный капкейк. В темноте она казалась драгоценным ларцом, утопающим в волнах inferнального красного свечения – будто в зеве печки. И над всем этим великолепием, над пляжем плыла мелодия шарманки, нестройная, чуть механическая – словно в старинном вальсе граф Дракула кружит своих мертвых невест.

Карусель являлась самой яркой деталью убогого местного променада. Променад оставался убогим и захудалым еще с тех пор, как детьми были мои бабушка с дедушкой. В воздухе застыл навязчивый аромат сахарной ваты – запах, которого не существует в природе; при попытке его описать на память приходит только розовый цвет – цвет нарядов Барби. А еще на мостках постоянно попадались лужи блевотины. И в этой рвоте всегда плавали полупереваренные зерна попкорна. Вокруг располагалось множество ресторанов: жареные моллюски стоили там слишком много, а ждать, пока их принесут, требовалось слишком долго. А еще толпы нервных загорелых взрослых волокли вопящих загорелых детей, – это выехали отдыхать у моря целые семьи.

На самом пирсе теснились обычные павильончики: в них продавали засахаренные яблоки и хот-доги. В тирах предлагали пострелять из пневматической винтовки по жестяным бандам, которые выпрыгивали из жестяных зарослей кактусов. А еще у пирса была огромная пиратская шхуна: она покачивалась на волнах, порой взлетая над линией пристани, – только визг стоял. Я называл ее про себя шхуна «Кошмарик». А еще там имелся батут – «У Берты». Вход шел через рот непристойно жирной женщины со свирепым взглядом и блестящими красными щеками. У входа вы снимали обувь и забирались внутрь по свисающему языку толстухи, между раздутыми губами.

На батуте все проблемы и начались, и запустили их мы с Гэри Реншоу. В конце концов, ограничений по возрасту не было, и прыгать могли не только дети, но и подростки. Покупай билет – и три минуты счастья твои. Вот Гэри и сказала, что хочет посмотреть, так ли это весело, как она помнит из детства.

Мы поднялись с пятью карапузами. Заиграла музыка – тоненькие детские голоса исполняли крайне подчищенную версию роковой композиции под названием «Кувыркайся со мной». Гэри схватила меня за руки, и мы стали прыгать, подлетая, словно астронавты на Луне. Мы скакали, пока не вцепились в стену, и тут Гэри меня уронила. Она оказалась сверху и принялась ритмично подпрыгивать. Просто дурачилась, но седая женщина, которая проверяла билеты, это заметила и во всю силу легких крикнула: «Вы, оба!» и потом: «На выход! Сюда семьями приходят».

Гэри повернулась ко мне:

– И не поспоришь.

Ее теплое дыхание щекотало мне лицо. От нее сладко пахло тем «розовым» запахом Барби – ведь недавно она ела сахарную вату. Облегающий полосатый топ на бретельках оставлял незакрытыми загорелые плечи. Ее груди оказались прямо перед моим лицом – я не возражал.

– От таких скачек как раз детки и заводятся – ну если не предохраняться.

Я засмеялся – не мог не засмеяться, – хотя мне было неловко, и лицо покрылось ярким румянцем. Гэри всегда такая. Гэри и ее брат Джейк вечно втягивают меня в ситуации, от которых мне одновременно стыдно и весело. Они втягивали меня во всякое такое, о чем я сразу

начинал жалеть, а потом с удовольствием вспоминал. Я полагаю, что настоящий грех вызывает ровно те же эмоции, только строго в обратном порядке.

Пока мы баловались, билетер посмотрела на нас так, как смотрят на змею, поедающую крысу, или двух совокупляющихся жуков.

– Не вылезай из штанов, Берта, – сказала Гэри. – Мы уже уходим.

Я скалился как дурак и все-таки чувствовал себя неловко. Гэри и Джейк Реншоу не терпели наездов ни от мужчин, ни от женщин. Они могли с равным удовольствием облить грязью кого угодно: невежу, ханжу, грубияна, святошу – все равно.

Когда мы подошли, Джейк Реншоу ждал, обнимая за талию Нэнси Фейрмонт. В другой руке он держал бумажный стаканчик с пивом, который протянул мне. Господи, как мне стало хорошо. Должно быть, лучшее пиво в моей жизни. Солоноватое, холодное; на стенках стаканчика капли ледяной воды, и запах – морских водорослей, океана, свежести...

Кончался август тысяча девятьсот девяносто четвертого, нам всем уже исполнилось по девятнадцать, а Нэнси – восемнадцать. При взгляде на Нэнси вряд ли кому приходило в голову, что она встречается с Джейком Реншоу, который со своей модной плоской стрижкой и татухами выглядел как «проблемный парень» – и порой им и являлся. С тем же успехом можно было представить такого младенца, как я, рядом с Гэри. Гэри и Джейк, близнецы, ростом верных сто восемьдесят, а значит – оба на пяток сантиметров меня выше. Я страшно смущался всякий раз, когда приходилось приподниматься на цыпочки, чтобы поцеловать Гэри. Близнецы, светловолосые, крепкие, поджарые, ловкие, росли на воле: они носились на великах по бездорожью и часто становились головной болью учителей. У Джейка был привод к судье; по его утверждению, Гэри не имела такового исключительно потому, что не попадалась.

А Нэнси носила очки с толстущими стеклами и везде ходила с книжкой, прижатой к плоской груди. Ее отец работал ветеринаром, мать – библиотекарем.

Я, Пол Вайтстоун, мечтал о татухе и судимости, взамен же владел письмом о зачислении в Гарвард и тетрадкой, исписанной одноактными пьесами.

Мы с близнецами приехали в Кейп-Магги на двенадцатилетнем «Шевроле Корвет» Джейка: хищном, как крылатая ракета, и почти таком же быстром. Машина была двухместной, и, разумеется, никто не позволил бы нам раскатывать так, как мы явились сегодня: Гэри у меня на коленях, Джейк за рулем, упаковка пива втиснута за механическую коробку передач (правда, пиво мы приговорили очень скоро). Мы приехали сюда из Льюистона забрать Нэнси, которая все лето подрабатывала на пирсе, продавая жареные пончики. После окончания ее смены мы планировали вчетвером отправиться за девять миль, в летний домик моих родителей на водоеме Магги-Понд. Мои родители проводили август дома, в Льюистоне, и домик оказался в нашем распоряжении.

Возможно, я чувствовал вину из-за ругани с билетершей на батуте, но Нэнси успокоила мою совесть. Она поправила очки и сказала:

– Миссис Гиш по субботам выходит с пикетами против «Общества планирования семьи», и у нее на плакатах фейковые фотки мертвых младенцев. Что очень смешно – ведь ее муж владеет половиной киосков на пирсе, и нашим в том числе, и перелопатил уже почти всех девочек, которые на него работают.

– Что, в самом деле? – спросил Джейк.

Спросил с ухмылкой, но в его голосе появилась та самая холодная тягучесть, которая, как я знал по опыту, предостерегала о вступлении на опасную территорию.

– Не бери в голову, Джейк, – бросила Нэнси и чмокнула его в щеку. – Он лапает только школьников. Я для него слишком стара.

– Покажи мне этого типа как-нибудь при случае, – проговорил Джейк и оглядел пирс, словно собирается заняться поиском прямо сейчас.

Нэнси ухватила его за подбородок и повернула к себе.

– То есть я должна испоганить наше свидание ради того, чтобы копы тебя арестовали и напинали?

Он засмеялся, однако Нэнси внезапно разгневалась.

– Ты идиот, Джейк, ты поганый идиот! Хочешь заработать срок? Ведь чудом избежал! Тебя взяла морская пехота, скажи им спасибо! Одна радость, что наш военно-промышленный корпус от очередного новобранца не откажется. На пушечное мясо всегда спрос. Не надо устраивать разборки с каждым мудаком, который прошелся по пирсу. Тебя это вообще не касается.

– А мой срок и все прочее не касается тебя.

Джейк произнес это почти кротко.

– Если что, меня посадят в тюрьму штата. И мы, по крайней мере, будем гарантированно видаться в выходные.

– Я к тебе не поеду, – буркнула она.

– Поедешь, куда денешься.

Джейк поцеловал ее в щеку; Нэнси вспыхнула. Мы все знали, что поедет. Было даже немного неловко смотреть, как крепко она сжимала палец Джейка, как болезненно о нем беспокоилась. Я прекрасно понимал, что она сейчас чувствует: ведь меня заклинило на Гэри в точности так же.

Полгода назад мы той же компанией ездили в Льюистон поиграть в боулинг – просто убить обычный вечер, даже не в выходные. Гэри наклонилась к мячу, и алкаш на соседней дорожке сказал что-то матерно-одобрительное про ее зад и бедра. Нэнси попыталась его одернуть и получила в ответ: она-де может не волноваться, ни у кого не встанет на такую соску без сисек. Джейк мягко поцеловал Нэнси в макушку. Она не успела его удержать. Одним махом Джейк сбил пьянчугу с ног и до крови расшиб нос.

Правда, тут возникла некоторая проблема: алкаш и его дружбаны оказались полицейскими не при исполнении, и в последовавшей за ударом свалке Джейка скрутили, бросили на пол и надели наручники, приставив к голове револьвер. В суде особо подчеркивалось наличие финки у него в кармане и дел за мелкие правонарушения в полицейском досье. Тот пьяница – само собой, в суд явился трезвехоньким подтянутым офицером, прекрасным супругом и отцом – утверждал, что назвал Нэнси «стройная мисси». Впрочем, никого уже не интересовало, что именно он сказал; судья заявил, что обе девушки были одеты вызывающе и провокационно, так что не имеют право возмущаться слегка фривольной фразой. Судья предложил подсудимому выбирать между тюрьмой и военной службой, и через два дня Джейк отправился в военный лагерь в Северной Каролине, со стриженной головой и вещами, которые все уместились в спортивную сумку.

Сейчас он приехал на побывку, на десять дней. Через неделю ему предстояло сесть на борт самолета в военном аэропорту штата Мэн и лететь в Берлин, в распоряжение части. Проводить его у меня не получалось – с сентября стартовала учеба в Гарварде. Нэн ожидал университет штата, и, естественно, она никуда не отпускала Джейка от себя. Все разъезжались, кроме Гэри: она так и оставалась здесь, в Льюистоне, работать горничной в гостинице. Нанесение телесных повреждений висело на Джейке, а мне порой казалось, что тюремный срок получила Гэри.

У Нэн сейчас был перерыв, а потом еще несколько часов работы. Волосы ее пропахли жиром от сковородок, и она хотела проветриться. Мы медленно шли к краю пирса. Соленый терпкий ветер метался между флагштоками, играл тканью. Ветер дул с моря, срывал шляпы и хлопал дверями. На берегу пахло пересохшей травой и горячим асфальтом. У края воды холодные порывы ветра вызвали настоящий озноб, а пульс учащался. Здесь, на пирсе, уже был октябрь.

Мы дошли до «Дикой охоты» – карусель как раз перестала крутиться – и притормозили. Гэри дернула меня за руку и указала на одного из зверей. Черная кошка размером с пони, и в

пасти у нее дохлая мышь. Голова кошки медленно поворачивалась, и возникало впечатление, что она внимательно разглядывает нас своими яркими зелеными глазами.

– Ох ты, – воскликнула Гэри. – Точь-в-точь я на нашем первом свидании с Полом.

Нэнси прыснула и прикрыла рот ладошкой. Гэри не было нужды напоминать, кто на том свидании был мышкой, а кто кошкой. Нэнси мило и беспомощно засмеялась, покраснела и сразу стала вдвое привлекательней.

– Пошли, – сказала Гэри. – Давайте поищем своих зверей-защитников.

Она отпустила мою руку и взяла за руку Нэнси.

Заиграла музыка, прихотливая и, как ни странно, в то же время заунывная. Бродя между фигурами, я рассматривал их со смешанным чувством очарования и отвращения. Звери казались воплощением гротеска. Вот волк размером с мотоцикл: у него рельефный глянцево-мех – переплетение черного и серого, глаза желтые, как мое пиво. Одна лапа слегка приподнята, а подушечка окрашена багровым, словно волк ее стер до крови.

Морской змей дотянулся до бортика карусели – здоровенный шланг с древесный ствол толщиной. У него лохматая золотая грива и красная пасть с черными клыками. Я наклонился поближе и обнаружил, что клыки настоящие: акульи зубы, почерневшие от времени. Я миновал стайку белых лошадок. Они застыли в прыжке со вздувшимися жилами на шее: пасти открыты, словно извергая отчаянное ржание – муки или ярости, не понять. Белые лошади с белыми глазами, как у классических статуй.

– Откуда, черт побери, они понабрали этих монстров? Из преисподней? Ты посмотри! – Джейк ткнул рукой в сторону одной из лошадок. Из ее рта вываливался черный раздвоенный язык – как у змеи.

С пирса раздался голос:

– Привезли из Накодочеса, из Техаса. Им больше ста лет. «Карусель десяти тысяч огней», слышали, может? Так их списали оттуда после пожара. Пожар сжег дотла весь парк развлечений Кугера. Сами видите, какая вон та подпаленная.

У входного трапа стоял оператор с пультом запуска. Разодетый, как посыльный в роскошном восточноевропейском отеле, в таком местечке, куда аристократы вывозят на лето свои семьи. Эдакий старикашка в пиджаке из зеленого бархата, с латунными пуговицами в два ряда и золотыми эполетами на плечах.

Он поставил на землю термос и указал на лошадь, чья морда была обожжена с одного бока: бифштекс с поджаристой корочкой. Верхняя губа старика поднялась в омерзительной ухмылке-оскале. У него были пухлые, красные, какие-то непристойные губы, как у молодого Мика Джаггера, – совершенно неуместные на таком сморщенном, старом лице.

– Они визжали.

– Кто? – не понял я.

– Лошади. Когда карусель начала гореть. Десяток свидетелей слышал. Визжали, как бабы. Мои руки покрылись гусиной кожей. Какая великолепная страшилка!

– Я слышала, их восстановили, – раздался голос Нэнси откуда-то из-за моей спины. Они с Гэри обходили карусель по кругу, рассматривая все фигуры, и только сейчас вернулись к нам, рука в руке. – В прошлом году в «Портленд Пресс Геральд» была статья.

– Грифона привезли от Селзника, из Венгрии, – продолжил перечисление оператор. – Они обанкротились. Кот – подарок того доброго человека, что открыл «Кристмасленд» в Колорадо. Морского змея вырезал сам Фредерик Сэвидж, он создал легендарную карусель «Золотые всадники» на пирсе в Брайтоне, по образцу которой сделана наша «Дикая охота». Вы ведь одна из девочек мистера Гиша, верно?

– Д-да-а, – с запинкой ответила Нэнси.

Полагаю, ей пришло в голову, что он назвал ее «девочкой мистера Гиша».

– Продаю пончики в его киоске.

– Для девочек мистера Гиша все самое лучшее, – сказал оператор. – Желаете прокатиться на лошадке, которая возила саму Джуди Гарленд?

Он поднялся по трапу на карусель и протянул Нэнси руку. Она приняла ее не колеблясь, словно приглашение на танец от завидного кавалера, а не от гадкого старикашки со слюнявыми губами. Он подвел ее к первой в группе из шести лошадок и, когда она поставила ногу в золотое стремя, приобнял за талию, помогая забраться.

– Джуди приезжала в Техас в сороковом, с рекламным туром «Волшебника страны Оз». Она выступила перед поклонниками, спела «Выше радуги», а затем прокатилась на «Карусели десяти тысяч огней». В моем личном кабинете есть ее фото, где она снята именно на этой лошадке. Вот... так... Вам удобно?

Гэри сжала мою руку.

– Что за лажа. – Она говорила тихо, но, видимо, все же недостаточно тихо, и я видел, как дернулся оператор. Гэри закинула ногу на черного кота. – А на этом кто-нибудь знаменитый катался?

– Пока нет. Но, возможно, когда-нибудь именно вы и станете этой знаменитостью! И через много лет мы будем хвастаться и всем рассказывать про сегодняшний день, – бодро ответил старик. Затем поймал мой взгляд и подмигнул: – Думаю, тебе стоит выкинуть свое пиво, сынок. На карусели никаких напитков. Да вам едва ли потребуется алкоголь – «Дикая охота» зарядит вас адреналином, о котором вы и не мечтали!

В машине по дороге сюда я выпил две банки пива. Бумажный стаканчик в руке был третьей порцией, и я вполне мог бы отложить его, однако небрежно оброненная фраза: «Тебе стоит выкинуть свое пиво, сынок» – не оставляла мне вариантов. В пять больших глотков я выпил чуть не пол-литра, и к моменту, когда смял стакан и швырнул прочь, карусель уже начала движение.

Меня пробрал озноб. Пиво было ледяным, и, казалось, оно растворилось в моей крови. На меня накатывали волны дурмана, и я ухватился за ближайшего зверя, большого морского змея с черными зубами. Я закинул ногу, забираясь в седло, как раз когда змей начал всплывать на своем штыре. Джейк сел на лошадку рядом с Нэнси, а Гэри положила голову на шею кота и что-то ему шептала.

Карусель неслась по кругу; берег остался за спиной, и мы видели сейчас только самый краешек пристани. Слева от меня проносились только черное небо и море: плотная тьма с белыми барашками. «Дикая охота» на огромной скорости летела в густом соленом воздухе. Волны бушевали. Я зажмурил глаза, а затем все-таки распахнул их снова, резко. Возникло ощущение, что я действительно оседлал морского дракона и он несет меня вниз, в черную глубину. На миг мне даже почудилось, что я тону.

Мы прокрутились полный круг, и передо мной на мгновение снова мелькнул оператор со своим пультом. Когда он разговаривал с нами около трапа, то все время улыбался. Однако сейчас я увидел безжизненное, лишенное всякого выражения лицо, с тяжело нависшими веками и хмуро искривленным ртом. Мне показалось, он что-то заталкивает в карман штанов – краткая картинка, из-за которой некоторые жизни оборвались еще до исхода ночи.

Круг, еще круг, все быстрее. Колесо крутилось как веретено, наматывая нить своей безумной песни на звездную ось ночи. К четвертому кругу я подивился, с какой скоростью мы несемся. Центробежная сила увлекала меня, давила в какой-то точке между бровями; тянущее ощущение появилось в переполненном животе. Возникла острая потребность отлить. Я желал наслаждаться этими минутами и этим полетом, однако пива оказалось слишком много. Мы кружились во тьме, и мимо мелькали крупинки звезд. Шум с пристани налетал порывами: вот слышно, и сразу нет. Я открыл глаза. Джейк и Нэнси наклонились друг к другу со спин своих лошадок и соединились в нежном, хотя и неуклюжем поцелуе. Нэн смеялась и гладила

мускулистую шею своего скакуна. Гэри почти слилась с огромным котом и, повернув голову, смотрела на меня одурманенным, взрослым взглядом.

Кот тоже повернул морду и посмотрел прямо на меня. Я зажмурился, вздрогнул и снова открыл глаза. И, конечно, ничего подобного не было.

Наши скакуны несли нас в ночь, во тьму, несли в безумной ярости, круг, и круг, и еще круг, – и этот путь не имел конца. Ни для кого из нас.

Следующие три часа мы гуляли по пристани под порывами ветра. Ждали, пока Нэнси доработает смену. Пиво во мне уже всюду плескалось, я это понимал и все равно продолжал пить. Ветер бил в спину и почти сдувал нас.

В ожидании Нэнси мы с Джейком некоторое время рубились в китайский бильярд. Потом Гэри и я прошли по пляжу, вполне романтично держась за руки и любуясь звездами, а затем предсказуемо начали беситься. Гэри схватила меня и потащила в воду. Я потерял равновесие, шлепнулся, встал; в кроссовках захлюпало, штанины вымокли и затвердели от налипшего песка. Гэри отделались легким испугом: ее сандалиям вода была нипочем, штанины джинсов она предусмотрительно подвернула – и поэтому сейчас едва не падала от хохота, целая и невредимая. Позже я согрелся парочкой хот-догов с беконом, истекающих расплавленным сыром.

В десять тридцать все бары оказались настолько переполнены, что толпы народа выплеснулись на тротуар. Дорога в гавань была забита под завязку; автомобили шли бампер к бамперу; ночь оглашали счастливые восклицания и сигналы клаксонов. Однако почти все другие заведения, кроме баров, расположенные вокруг пристани, или уже были закрыты, или закрывались. Большой батут и пиратская шхуна окутались темнотой час назад.

К тому времени я едва держался на ногах от выпитого пива и от всего съеденного на ярмарке. Подступила тошнота. Похоже, к тому моменту, когда у нас с Гэри дойдет до постели, я буду мало на что способен.

Киоск с пончиками располагался у самого начала пирса. Когда мы туда дошли, электрическая вывеска над окошком выдачи уже не горела. Нэнси салфеткой сметала с шершавой стойки корицу и сахарный песок; она пожелала хорошего вечера второй девушке, которая с ней работала, и вышла через боковую дверь – прямо в объятия Джейка. Они долго и страстно целовались; Нэнси стояла на цыпочках, прижимая локтем нашумевшую тогда книгу «Кони, кони».

– Возьмем на дорожку еще пива? – спросил у меня Джейк через ее плечо.

От одной мысли живот у меня скрутило, но я, конечно, кивнул:

– Само собой.

– Я куплю, – сказала Нэнси и свернула к краю тротуара.

Она едва не подпрыгивала от счастья: восемнадцатилетняя влюбленная девушка рядом со своим парнем. Теплый ветер играл ее вьющимися волосами, закидывал их вперед, на лицо, словно водоросли.

Мы ждали просвета в транспорте – и тут все пошло не так.

Нэнси хлопнула себя по бедру – несвойственный ей жест, но сейчас она была в приподнятом настроении – и полезла в карман за наличными. Нахмурилась. Посмотрела в другом кармане. Снова проверила первый.

– Ч-черт, – пробормотала она. – Должно быть, оставила деньги в киоске.

Нэнси потащила нас обратно на работу. Ее напарница уже выключила везде свет и заперла дверь. Нэнси влезла внутрь и дернула за шнурок. Флуоресцентная лампа замигала и зажужжала, как оса. Нэнси поискала под стойкой, снова проверила карманы, заглянула даже под обложку своей книги – не использовала ли она банкноту как закладку. Я видел, как она смотрела в книгу. Я уверен.

– Что за чушь? – спросила сама у себя Нэнси. – У меня была пятидесятидолларовая банкнота. Пятьдесят долларов! Новехонькие, даже не помятые. Ох ты ж боже мой, что же я

с ними сотворила? – Она в самом деле так сказала – как девочка-вундеркинд из романа для молодежи.

Тут у меня перед глазами вспышкой мелькнула картина: оператор карусели помогает Нэнси забраться на лошадку, приобнимает за талию, и его слюнявые губы расплываются в улыбке. А потом еще одна, когда мы пронеслись мимо него на карусели. Он больше не улыбался – и что-то заталкивал в карман штанов.

У меня вырвалось:

– Ой!

– Что? – переспросил Джейк.

Я посмотрел на его узкое красивое лицо, четкую линию подбородка и выразительные глаза – и на меня нахлынуло внезапное ощущение приближающейся катастрофы. Я помотал головой, не желая говорить.

– Давай рожай уже, – сказал Джейк.

Я понимал, что говорить не следует, но не мог сопротивляться внутреннему злomu порыву. Это как поджечь запал и, зажмурившись, ожидать, когда рванет. Да и было нечто возбуждающее в том, чтобы взбесить одного из близнецов Реншоу – в общем-то, по той же причине. Именно поэтому я раньше пошел с Гэри прыгать на батуте. И поэтому же решил сейчас рассказать Джейку.

– Оператор на карусели. Он вроде бы что-то заталкивал в карман штанов после того, как посадил Нэн.

А больше ничего и не потребовалось.

– Пидор, – процедил Джейк и круто развернулся.

– Джейк, не надо, – попросила Нэнси.

Она схватила его за руку; он рывком освободился и зашагал по темной пристани.

– Джейк! – снова позвала Нэн, однако он даже не обернулся.

Я побежал за ним.

– Джейк, но я же ничего не видел наверняка. – Я нервничал, и в животе забурлило. – Может, он через карман просто собственные яйца поправлял.

– Этот пидор, – повторил Джейк. – Всю ее облапал.

Свет на «Дикой охоте» уже не горел; фигуры застыли в полупрыжке. Вход на трап перегородивал толстый шнур из красного бархата; на шнуре висела табличка: «Тс-с! Лошадки спят! Не будите!»

Часть пространства в центре карусели была отгорожена блестящими панелями. Из-под них выбивался свет, слышалась музыка, и что-то тихо напевал голос. Я узнал мелодию и исполнителя: Пэт Бун, «Я почти утратил разум». В самом сердце «Дикой охоты» кто-то был.

– Эй! – сказал Джейк. – Эй, там!

– Джейк! Да плюнь! – взмолилась Нэнси.

Она боялась того, что может сотворить Джейк Реншоу.

– Да я просто обронила нечаянно, а ветер унес!

Никто из нас этому не поверил.

Гэри первой подлезла под бархатный шнур. Мне ничего не оставалось, как направиться следом, хотя я тоже чувствовал Страх. Страх и, говоря по совести, возбуждение и подъем. Я не знал, к чему приведет эта история, но знал близнецов. А еще не сомневался, что они получат полтинник Нэнси обратно или поквитаются, – или и то и другое вместе.

Мы пробирались сквозь вставших на дыбы лошадей. Мне не нравились их выплывающие из темноты лица, не нравилось, как они широко раскрывают пасти, словно намереваясь закричать, как их глаза слепо уставились на нас – в ужасе, ярости или безумии. Гэри добралась до зеркальной двери, из-под которой вытекал свет, – и занесла кулак.

– Эй, вы там...

Не успела она коснуться двери, как та провалилась внутрь, выставив на всеобщее обозрение маленькое моторное отделение.

Оно представляло собой восьмиугольный закуток со стенами из дешевой фанеры. Мотор, который отвечал за вращение карусели, был стар, чуть не полвека: тусклая стальная конструкция, слегка похожая формой на человеческое сердце, с черной резиновой трансмиссией. В дальнем конце помещения стояла убогая походная койка. Никаких фотографий Джуди Гарленд я не заметил, однако вся стена над койкой была увешана снимками с разворота «Плейбоя».

Оператор сидел у складного столика, в нелепо огромном кресле. У кресла были поеденные крысами изогнутые деревянные подлокотники и набитые конским волосом подушки. Старик скорчился, опершись на одну руку, как на подушку, и не отреагировал, когда мы вошли. Из стоящего на краю стола маленького транзистора жалостливо заливался Пэт Бун.

Я взглянул на лицо оператора и вздрогнул. Веки его были зажмурены не полностью, и из-под них поблескивали неестественного вида белки. По мясистым губам текла слюна. Рядом валялся термос. В комнате всюду воняло моторным маслом и еще какой-то дрянью, которую я не мог определить.

Гэри потрясла его за плечо.

– Эй, чувак, моя подруга хочет получить назад свои деньги.

Голова старикашки мотнулась, однако он по-прежнему не подавал признаков жизни. Джейк тоже втиснулся в каморку за нашими спинами, а Нэнси стояла снаружи среди лошадок.

Гэри взяла термос, понюхала и швырнула на пол. Там было красное вино, и от него разлило уксусом.

– Надрался, – определила она. – Вот и вырубило.

– Ребята, – проговорил я, – а он... а он точно дышит?

На мой вопрос не обратили внимания. Джейк протиснулся мимо Гэри и начал копаться в карманах лежащего. Затем резко выдернул руку, словно уколовшись об иглу, и отпрыгнул. В тот момент я наконец опознал тот, второй запах.

– Обоссался, – сказал Джейк. – Бляха-муха, да он весь в ссанине. Боже правый, я весь об него изгваздался.

Гэри засмеялась. Я нет. Меня не отпускала мысль, что этот человек мертв. Разве не такое происходит с организмом, когда сердце останавливается? Сердце останавливается, и ты теряешь контроль над мочевым пузырем.

Джейк скривился и снова полез в карманы старика. Вытащил потертый кожаный бумажник и нож с пожелтевшей костяной рукояткой. На кости были вырезаны три лошади.

Нэнси не вытерпела и тоже зашла в каморку.

Она потянула Джейка за запястье.

– Джейк, не надо.

– С какой стати? Я не могу забрать то, что он украл?

Джейк раскрыл бумажник и достал две мятые двадчатки, – все, что там было. И швырнул бумажник на пол.

– У меня был полтинник, – сказала Нэнси, – новенький.

– Да твой полтинник сейчас в кассе винного магазина. Такая бутылка как раз и стоит десять баксов. И вообще, о чем тут спорить? Пол видел, как он прикарманил деньги.

Строго говоря, я не видел. И теперь уже сомневался, что было что-то еще, кроме старика со слабым мочевым пузырем, который поправлял через карман яйца. Однако я этого не сказал, не хотел устраивать перепалку. Хотел только убедиться, что старый пьянчуга жив, – убедиться и уйти побыстрее, пока он не зашевелился или пока к карусели не подошел кто-нибудь еще. Греховный восторг, что я испытывал от этого приключения, испарился, едва я почувствовал исходящий от старика запах и увидел его серое лицо.

– Он дышит? – снова спросил я, и снова мне никто не ответил.

Нэнси велела:

– Положи назад. У тебя будут проблемы.

– Ты сдашь меня копам, чувак? – спросил Джейк у оператора.

Тот ничего не ответил.

– Проблемы? Не думаю.

Джейк развернулся, ухватил Гэри за руку и подтолкнул к двери.

– Надо повернуть его на бок, – проговорила Нэнси дрожащим от напряжения голосом. –

Пьяного может вырвать, и тогда он захлебнется.

– Не наша проблема, – возразил Джейк.

Гэри произнесла:

– Нэн, клянусь, он так надирался уже сто раз. Если он до сих пор не сдох, надо полагать, и сегодня не сдохнет.

– Пол! – закричала Нэнси почти в истерике. – Пожалуйста!

У меня скрутило внутренности, во рту стало горько, словно я выпил целый литр кофе. Больше всего на свете я хотел уйти; не могу объяснить, почему вместо этого взял запястье оператора и принялся нащупывать пульс.

– Да он жив, говорю тебе! – настаивал Джейк и все же продолжал ждать.

Пульс был: слабый, неровный, но вполне слышный. Вблизи от тела воняло, и не только мочой и перегаром. От него исходил вьевшийся запах свернувшейся, протухшей крови.

– Пол, – позвала Нэнси. – Положи его на кровать. На бок.

– Не тронь, – отрезал Джейк.

Я и не хотел. Только как я буду жить, если в воскресной газете увижу некролог? А еще мы забрали у него сорок баксов. Я подсунул одну ладонь старику под колени, вторую под спину и поднял из кресла.

Шатаясь, прошел к койке и сгрузил пьяного на матрас. В промежности его мягких зеленых брюк просочилось темное пятно, и от запаха меня чуть не вывернуло. Я перекатил старика на бок, подложил под голову подушку – как мог. По крайней мере, он не захлебнется рвотой. Оператор захрапел, но так и не очнулся. Я обошел комнату и дернул свисающий с потолка шнур – выключить свет. По радио гадалка предсказывала теперь Пэту Буну судьбу. Невеселую, надо заметить.

Я думал, на этом все, однако на выходе обнаружил, что Гэри устроила свою собственную месть. Она стащила у оператора перочинный нож и выводила на лошадке Джуди Гарленд: «Иди на хер». Не высокий стиль, конечно, но вполне внятно.

Когда мы спускались, Джейк попытался всунуть те сорок баксов в руку Нэнси, но та не взяла. Слишком разозлилась. Он запихнул банкноты ей в карман, а она вытащила и швырнула на пирс. Джейку пришлось гнаться за ними, пока ветер не унес их далеко.

Дорога с пирса была уже почти пустая, хотя бары всю работу. Джейк сказал Нэнси, что идет за автомобилем, и попросил, «если она не против, купить, пожалуйста, пива»: ведь, понятное дело, секс ему сегодня не светит, так что нужно больше спиртного, залить печаль.

На сей раз Нэнси взяла деньги. Она старалась не улыбаться, но не выходило. Даже я видел, насколько очаровательным может быть Джейк, если захочет.

Мы выехали, направляясь в летний домик моих родителей на берегу водоема. Я расположился на пассажирском сиденье «Корвета», с Гэри на коленях. Нэнси втиснулась между моим бедром и дверью. Все трое моих друзей держали в руках выпивку, даже Джейк: он вел машину, угнездив бутылку между ног. Не пил только я. Я все еще ощущал стариковскую вонь на своих руках – запах разложения, тяжелой болезни. Меня мутило, и было сейчас не до выпивки, и когда Гэри открыла окно и вышвырнула в темноту свою бутылку, я обрадовался свежему воздуху. Я слышал, как пустая бутылка ударилась о землю и мелодично звякнула.

Мы были беззаботны, безответственны; в нашу защиту могу сказать лишь, что мы этого не понимали. Представляете ли вы то время? В тысяча девятьсот девяносто четвертом году движение «Матери против пьяного вождения» только набирало силу, и я ни разу не слышал, чтобы кого-то оштрафовали за мусор. Мы не пристегивались – нам даже в голову не приходило.

Я не уверен, что точно описал Джейка и Гэри Реншоу. Да, они могли быть опасны для других, однако слова «порочный» или «безнравственный» к ним не подходили. Возможно, внутренние понятия о морали у них были даже жестче, чем у большинства, – и побуждали их к немедленному действию, если что-то, по их мнению, этим понятиям противоречило. Когда в окружающем мире возникал перекося, они чувствовали, что обязаны вмешаться и вернуть все на свои места, – даже если для этого требовалось изуродовать дряхлую карусельную лошадку или ограбить пьяного. И еще – их совершенно не беспокоили последствия лично для них.

Не были они эгоистичными и ограниченными тоже не были. В таком случае ни я, ни Нэнси не стали бы с ними встречаться. Джейк умел метать ножи и ходить по канату. Никто никогда его этому не учил. Он просто умел. В выпускном классе он участвовал в отборочном конкурсе на роль в постановке по Шекспиру, хотя прежде вообще не проявлял интереса к драмстудии. Мистер Кьюз доверил именно ему роль Пака из «Сна в летнюю ночь» и, черт возьми, не прогадал! Джейк произносил свой текст без запинки, словно всю жизнь разговаривал пятистопным ямбом.

А Гэри умела имитировать голоса. Она подражала принцессе Диане и говорила с интонациями Велмы Динкли из мультика про Скуби-Ду. А еще копировала великолепного Стивена Тайлера из «Аэросмит»: выговаривала фразы его голосом, повторяла хиты; исполняла с выражением *But think twice That's my only advice*, танцевала совсем как он, безумно вращая волосами из стороны в сторону и размахивая руками.

Я считал, что у нее хватит красоты и таланта пойти в актрисы. Вот я закончу колледж, и мы вместе поедem в Нью-Йорк. Я стану писать пьесы, а Гэри – играть в них главные роли. Когда я ей это сказал, она отшутилась и бросила на меня взгляд, который я не понял. Тогда не понял. В тот момент подобное чувство было мне не знакомо. В то время на меня еще *так* не смотрели. Сейчас я понимаю, что это была жалость.

Луна пока не взошла, и чем дальше мы отъезжали на север, тем гуще становился мрак вокруг машины. Мы ехали по двухполосному шоссе среди болот и сосен. Фонари попадались нечасто, хорошо, если по паре на километр. А потом снова темнота. Ветер все усиливался; вскоре задуло так, что пригибало траву на болоте, а автомобиль потряхивало.

Мы почти подъехали к последнему участку пути – трехкилометровому куску грунтовки, когда «Корвет» вильнул, и Джейк врубил по тормозам. Торможение получилось жестким, шины завизжали. Зад автомобиля занесло.

– Что за хрень? – заорал Джейк.

Нэнси ударилась лицом о переднюю панель и выронила книгу «Кони, кони». Гэри тоже мотнуло вперед, однако она сумела как-то сгруппироваться и приложилась плечом.

На нас смотрел пес, огромный. В свете фар сверкали зеленые глаза. Через мгновение он выскочил с дороги и скрылся среди деревьев. Если, конечно, это был пес, а не медведь. По размерам зверь больше напоминал медведя, а не собаку. Еще несколько секунд мы слышали, как он ломится через кустарник. А потом все стихло.

– Боже правый, – выговорил Джейк. – Да я чуть не обоссался. Чуть все пиво не вернул...

– Заткнись, – велела Гэри. – Нэнси, солнышко, ты как?

Нэнси откинулась, задрала подбородок повыше и зажала ладошкой нос.

– Я дос разбила.

Гэри выгнулась назад и протянула руку за сиденье.

– Сейчас. Там есть тряпки.

Она повозилась и снова устроилась у меня на коленях, сжимая в руке замызганную футболку с надписью «Пинк Флойд».

Я хотел достать оброненную Нэнси книгу. Потянулся за ней, потом помедлил – и взгляд зацепился за что-то на ковре. Я это поднял.

Гэри протянула Нэнси футболку.

– Вот, на.

– Эй, я ее ношу, – сказал Джейк.

– Идиот, у твоей девушки лицо всмятку.

– Аргумент. Нэн, ты как?

Нэнси скатала футболку в комок и прижала ее к своему тонкому изящному носу. Другой рукой показала большой палец.

Я пробормотал:

– Твоя книга... ну... она упала на пол...

Я протянул ей томик – а еще шуршащую новехонькую банкноту в пятьдесят долларов.

Ее глаза, наполовину заслоненные комком из окровавленной футболки, в ужасе распахнулись.

– Ох, нет! Нет! Я же смотрела! Я искала, их там де было!

– Я знаю. Я видел, что ты искала. Ты никак не могла пропустить.

В глазах у Нэнси появились слезы.

– Солнце, – произнесла Гэри. – Мы все думали, что он спер этот полтинник. Просто ошиблись.

– Мы все объясним полицейским, – предложил я. – Если они начнут расспрашивать, пересекались ли мы на пирсе с алкашом. Я уверен, они проявят понимание.

Гэри ответила мне яростным взглядом, Нэн заплакала, и я немедленно пожалел, что вообще открыл рот. Взволнованно покосился на Джейка – ждал, что тот расвирепееет, – однако Джейк словно не заметил случившегося. Он отвернулся к окну и смотрел туда, в ночь.

– Кто-нибудь мне скажет, что за хрень выскочила нам под колеса? – спросил он.

Я с готовностью сменил тему.

– Собака?

Гэри покачала головой.

– Я не разглядела – пыталась не вмазаться мордой в панель.

– Я никогда не видел такого пса, – произнес Джейк. – Зверюга с пол-автомобиля.

– Может, все-таки бурый медведь?

– А может, слежный человек? – убито спросила Нэнси.

Мы все на секунду замолкли, переваривая случившееся, а потом взорвались смехом. Лохнесское чудовище и все исследователи летающих тарелок могут повеситься от зависти. Слежный человек, какая прелесть.

Два светоотражающих диска отмечали поворот на узкую грунтовку; она вела к летнему домику моих родителей, который стоял на водоеме, получившем название Магги-Понд. Джейк свернул и снова опустил стекло, позволяя теплому соленому воздуху обдывать лоб.

Покрытие было в ухабах и рытвинах, некоторые глубиной чуть не в полколеса, и Джейку пришлось сбавить скорость до десяти миль в час. Под днищем автомобиля шуршала трава и постукивали камни.

Мы проехали метров семьсот, когда увидели поперек дороги огромный дубовый сук. Джейк зашипел сквозь зубы, чертыхнулся и затормозил.

– Я уберу, – сказала Нэнси.

– Сиди, еще чего, – велел Джейк, но она уже распахнула пассажирскую дверцу.

Нэнси кинула на пол автомобиля окровавленную футболку с «Пинк Флойдом», шагнула наружу и захлопнула за собой дверь.

– Мне дужно размять доги.

Мы смотрели, как она заходит в круг фар: изящная хрупкая малышка в розовых кроссовках. Она склонилась над отломанным от дерева суком – виднелся свежий надлом – и потянула.

Джейк пробурчал:

– Ей одной тяжело.

– Она справится, – отозвалась Гэри.

– Помоги ей, Пол, – попросил Джейк. – В возмещение истории с полтинником. Следующий раз не будешь таким засранцем.

– Ох, блин, да я не думал, что... я вовсе не хотел...

От стыда я вжал голову в плечи.

Нэнси переступала спиной вперед: ей удалось оттащить в сторону один край здоровенной ветки. Она обошла, чтобы потянуть с другого края; возможно, хотела попробовать откатить ее на обочину.

Джейк в сердцах бросил:

– Вот что тебе стоило запихнуть этот чертов полтинник под сиденье? Нэн же сегодня не успокоится! Так и будет плакать. А кому все это счастье разгрести? Мне...

– Что это там? – спросила вдруг Гэри.

– ...не тебе! – продолжил Джейк, словно не слыша Гэри. – Пол Вайтстоун в своем прекрасном репертуаре. Берем отличный вечер, и оп-ля, абракадабра!..

– Вы *слышите*? – снова спросила Гэри.

Я не услышал. Сперва я *почувствовал*. Машину тряхнуло. Похоже на звук приближающейся бури, когда ливень колотит по земле. Или на приближающийся грузовой состав.

Первая лошадь пронеслась, стуча копытами, слева от нас; так близко, что боком задела зеркальце со стороны водителя. Нэнси подняла голову, бросила сук, и мне показалось, она хочет отпрыгнуть с дороги. У нее была всего лишь пара секунд, и далеко убежать она не успела. Лошадь ее сшибла; мелькнули копыта, и Нэнси покатила под них. Она упала на дорогу лицом вниз, и следующая лошадь проскакала прямо по ней. Я слышал, как хрустнул позвоночник. А может, треснул тот большой сук, не знаю.

Мимо промчалась третья лошадь, потом четвертая. Первые три продолжали бежать, они миновали освещенную фарами часть дороги и унеслись во тьму. Четвертая замедлила бег рядом с телом. Нэнси наполовину протаскило, наполовину вышвырнуло на десяток метров от автомобиля, прямо к дальнему краю освещенного фарами круга. Высокая белая лошадь опустила голову и, кажется, пожевала волосы Нэнси – окровавленные, спутанные, развеваемые ночным ветерком.

Джейк завизжал. Я думаю, он пытался выкрикнуть имя Нэнси, но губы его не слушались. Гэри тоже кричала, громко. А я нет. Я не мог сделать и вдоха. Будто по мне тоже пробежала лошадь, выдавив из груди весь, абсолютно весь воздух.

У вставшей над Нэнси лошади была изуродована морда; с одной стороны кожа выглядела розовой, едва зажившей, как в результате давнего ожога. На обоих глазах – бельма, но тот, на обожженной стороне, болезненно вспучился. Язык, скользнувший из пасти и прошедший по лицу девушки, вообще не походил на язык лошади. Тонкий, черный – змеиный.

Рука Джейка слепо нащупала ручку двери. Он не отрываясь смотрел на Нэнси – и потому не заметил еще одну лошадь, которая стояла прямо рядом с машиной. Никто из нас не заметил. Джейк распахнул дверь, поставил ногу на землю... и я успел только выкрикнуть его имя.

Незамеченная лошадь нагнула мощную шею, сжала крупными зубами плечо Джейка и дернула мордой. Джейка выкинуло из машины и грянуло о ствол стоящей рядом с дорогой красной сосны. Удар получился такой, словно им выстрелили из пушки. Удар... а потом Джейк упал куда-то в заросли кустов.

Гэри торопливо сползла с моих коленей на водительское место. Она тянула к двери руку, словно собираясь выйти следом за Джейком. Я схватил ее за плечо и рванул к себе. В тот же момент из-за машины выскочила большая лошадь, сделала неуклюжий скачок, развернулась – и со всей силы обрушилась крупом на дверь.

В свете фар я увидел, как Джейк с трудом выбрался из кустов и тяжело ковыляет к автомобилю. Мне показалось, у него сломана спина, хотя поклясться я не могу. Он едва двигался, почти не отрывая ног от земли. Мы встретились взглядами. Как тяжело об этом вспоминать. Я никогда не видел столько ужаса в чьих-то глазах, столько дикой, животной паники.

Белый жеребец проскакал к Джейку крупной рысью, высоко поднимая колени – как на параде. Поравнялся с ним, посмотрел сверху вниз – изучающе, даже с каким-то ленивым любопытством. И ударил копытом – прямо между лопаток. Джейка бросило на грунт. Он старался встать, и жеребец нанес удар в голову. Удар раздробил кости черепа, проломил нос, надбровье, скулу, поставив красный отпечаток прямо в центр красивого лица. Даже боевой конь не мог бы расправиться с врагом страшнее. Жеребец наклонил голову, ухватил едва живое тело Джейка за пиджак, стащил с дорожного полотна и без видимого напряжения зашвырнул в кусты, точно набитое соломой пугало.

Гэри не понимала, что делать: она застыла перед рулем, замерла – на лице ужас, глаза широко распахнуты. Стекло со стороны водителя все еще было опущено, и когда черный пес ударил в бок «Корвета», лохматая голова просунулась прямо в салон. А за ней и две передние лапы. Пес вцепился зубами в левое плечо Гэри, разорвал рубашку от ворота до рукава, терзая упругую загорелую плоть под тканью. Из его пасти воняло.

Гэри пронзительно закричала. Ее рука нащупала рычаг коробки передач и привела «Корвет» в движение.

Убившая Джейка тварь оказалась прямо перед нами, и Гэри на хорошей скорости впечатала в нее машину, подрезала ноги, ударила в круп. Здоровенная дрянь, она весила, должно быть, полтонны, и капот смялся. Меня бросило на панель управления. Жеребца отшвырнуло вбок, он покатился, только ноги месили ночной воздух, потом встал – и двинул копытом в лобовое стекло. Гэри получила удар в грудь; ее откинуло на спинку сиденья. Ударопрочное стекло взорвалось мелкими острыми брызгами, засыпавшими весь салон изнутри.

Гэри включила задний ход и резко подала машину назад. Белый жеребец скатился с капота и тяжело упал на дорожное полотно. Быстро взгромоздился на передние ноги: задние, разбитые, беспомощно волоклись следом. Гэри выжала газ и бросила машину вперед.

Жеребцу в последний момент удалось отклониться: мы проехали так близко, что его хвост мазнул по стеклу. Я понял, что сейчас Гэри поравняется с местом, где лежит Нэнси, и переедет ее. Тело Нэн мелькнуло перед носом корвета всего на миг, а потом машину тряхнуло, и из-под капота полез черный жирный дым...

На один кошмарный миг с нами поравнялся черный пес, вывалив красный большой язык из пасти. А затем мы оставили его позади.

Я отчаянно завопил:

– Гэри! Подними стекло!

– Не могу!

Ее голос звенел от напряжения. Плечо распахано когтями – глубоко, до мышцы, футболка спереди намочена от крови. Она вела машину одной рукой.

Я потянулся через Гэри и повернул защелку окна, поднимая стекло. Колесо попало в выбоину, нас жестко подбросило, и моя макушка заехала ей в челюсть. Из глаз посыпались искры.

– Тормози! – заорал я. – Иначе слетим в кювет!

– Нельзя! Сзади!

Я обернулся и посмотрел через заднее стекло. Они гнались за нами, копыта поднимали легкое облачко белого мела: пять бледных конских силуэтов, больше всего похожих на призраки.

Гэри закрыла глаза и обвисла на сиденье, низко свесив голову. Мы почти съехали на обочину, когда что-то в автомобиле рвануло, и машина пошла по дуге. Я потянулся к рулю и намертво схватил его, – машина все равно не слушалась. Я закричал. Мой крик на минуту привел Гэри в чувство, вытащил из плена дурмана и боли. Она вывернула руль. «Корвет» вильнул так резко, что из-под задних колес со свистом полетела галька. Гэри дышала неровно, со свистом.

– Что-то не так? – тупо спросил я, словно все было так, словно это не Гэри сейчас увидела брата и лучшую подругу раздавленными насмерть, словно рядом с нами не происходило нечто невозможное, словно не было ни звериного рыка, ни ударов копыт.

– Не могу дышать, – прошептала Гэри, и я вспомнил копыто, пробившее лобовое стекло и ударившее ее в грудь. Очень похоже на сломанные ребра.

– Сейчас уже скоро дом. Мы вызовем помощь.

– Не могу дышать, – повторила Гэри. – Они сорвались с карусели. Они погнались за нами из-за того, что мы сотворили, да? Вот почему они убили Джейка. Вот почему они убили Нэнси.

От ее слов я пришел в ужас. Я знал, что это правда, знал с того момента, как увидел лошадь с обожженной мордой. В голове опять закружилась юла, стало пусто и легко. Я будто снова неся на карусели, вольный и пьяный, – слишком быстро, и вращение придавливало меня слишком сильно. Сейчас я был опасно близок к тому, чтобы вылететь с огромного вращающегося колеса мира.

– Мы почти добрались.

– Пол, – позвала Гэри, и впервые за все время нашего знакомства я увидел, что она едва сдерживает слезы. – У меня в груди что-то сломалось. Все всмятку.

– Поворот! – закричал я.

Передняя левая фара была разбита вдребезги, и несмотря на то, что я ездил этой дорогой тысячу раз, мы едва не пропустили съезд к дому. Гэри налегла на руль, и «Корвет» свернул. В облаке собственного дыма автомобиль покатился по крутому длинному склону и, шурша гравием, встал на площадке перед домом.

Это был двухэтажный белый коттедж с зелеными ставнями и широким затененным крыльцом. К двери под навесом вела одна-единственная ступенька. Мы находились всего в двух метрах от безопасного убежища, крыльцо и вход в дом – совсем рядом. Внутри они до нас не доберутся. Я был совершенно в этом уверен.

Однако едва мы встали, лошади окружили автомобиль. Они мели хвостами и толкали крупами «Корвет». Их копыта вздымали пыль, а пыль загораживала крыльцо.

Теперь, когда мы остановились, я хорошо слышал, с каким присвистом и хрипом дышит Гэри. Она уперлась лбом в колесо руля и прижала руку к груди.

– Что нам делать? – выдохнул я.

Одна тварь ударила автомобиль так сильно, что он заходил на подвеске вверх и вниз.

– Это потому, что мы украли его деньги? – пробормотала Гэри и с трудом втянула воздух. – Или потому, что я вырезала ту надпись?

– Забудь об этом! Лучше давай думать, как пробраться мимо них и попасть в дом.

Она продолжала рассуждать, словно не слыша:

– Или это потому, что нас надо убить? С нами что-то не так, Пол? Ох. Ох, как больно.

– Может, развернуться и попытаться выехать обратно на шоссе? – Хотя я уже сомневался, что машина на такое способна.

Двинется ли «Корвет» с места? Перед выглядел так, словно он на большой скорости влетел в дерево. Капот разбился всмятку; под ним что-то непрерывно шипело.

– У меня другая идея. – Гэри посмотрела на меня из-под спутанных волос. В ярких глазах светились раскаяние и тоска. – Давай я выскочу из машины и побегу к озеру? Они бросятся за мной, а ты сумеешь попасть в дом.

– Что?! Гэри, нет! Дом – вот он, прямо здесь, рядом. Никому больше не надо умирать. Двое уже погибли. Дом *прямо здесь*, понимаешь? Насмотрелась чертовых триллеров. Не нужно никого куда уводить.

– Может быть, ты им и не нужен, Пол.

Ее грудь вздымалась медленно и надсадно, намокшая кровью футболка прилипла к коже.

– Ты ведь ничего не сделал. Это мы сделали. Может быть, тебя они отпустят.

– А что сделала Нэнси? – выкрикнул я.

– Она выпила пиво, – сказала Гэри так, словно это было очевидно. – Мы забрали деньги, Нэнси их потратила, и мы все взяли то пиво – кроме тебя. Джейк украл. Я вырезала ту надпись. А что сделал ты? Ты перенес старикашку на кровать и повернул на бок, чтобы он не захлебнулся.

– У тебя в голове мутится от потери крови. Джейка и Нэн растоптали, и у тебя теперь шок. Они *лошади*. Они не могут хотеть *отмщения*.

– Разумеется, они хотят отомстить, – возразила Гэри. – Но, возможно, не тебе. Просто послушай. Не хочу с тобой спорить. Мы обязаны это сделать. Я выскочу из машины и побегу налево – при первой же возможности. К деревьям и озеру. Может быть, заманю их в воду. Лошади умеют плавать, но не думаю, что они догонят меня вплавь, а я даже с такими ранами смогу оттуда выбраться. Я выплыву. Я выскочу, а ты подожди, пока они бросятся за мной вдогонку, затем беги внутрь и зови на помощь любого копа из полиции штата.

– Нет, – произнес я. – *Нет*.

– Кроме того, – продолжила Гэри, и уголок ее рта приподнялся в кривой улыбке, – я могу оставить автограф еще какому-нибудь ублюдку.

Она разжала левую руку и показала нож того старика-оператора. Нож лежал на раскрытой ладони, и я видел резьбу: разбегающихся в панике лошадей.

– Нет, – повторил я.

Других слов сейчас не было. Слова меня покинули.

Я потянулся за ножом, но Гэри сжала пальцы. Я успел только положить свою руку поверх ее.

– Я всегда считала, что вся эта затея с поездкой в Нью-Йорк – полная фигня. Насчет того, что я стану актрисой, а ты писателем. Фигня полная. Я всегда думала, что это невозможно. Но если я останусь в живых, все-таки стоит попробовать.

Ее рука выскользнула из моей. До сих пор не понимаю, почему ее отпустил.

Навстречу корвету неся белый жеребец; он свирепо смотрел на нас глазами цвета дыма. Змеиный язык скользнул по его черным сморщенным деснам. Прыжок, удар. Автомобиль качнуло. Прыжок. Задние копыта целились в лобовое стекло.

Гэри произнесла почти нежно:

– Прощай.

Она выскочила из автомобиля быстрее, чем я успел повернуть голову.

Гэри удалялась от крыльца: мимо багажника автомобиля, к углу здания и к соснам. Между черными силуэтами древесных стволов я увидел озеро, слабо светящееся в темноте ночи. До среза воды было недалеко. Десятка два метров.

Лошадь передо мной повернула голову, наблюдая за Гэри, потом понеслась следом за ней. К ней присоединились еще две, но Гэри мчалась быстро.

Она уже почти поравнялась с краем леса, когда из-за невысокой живой изгороди выскочил кот. Огромный, как кугуар. Лапа размером с бейсбольную перчатку ударила Гэри, и ее крутануло на месте. Кот прыгнул сверху с глухим мявом, который почти сразу перешел в рез-

кий визг. Мне хочется верить, что Гэри пронзила его ножом. Мне хочется верить: Гэри показала, что и у нее есть когти.

Я побежал. Не помню, как выскочил из машины. Как-то сразу оказался снаружи, и ноги несли меня мимо разрушенного носа «Корвета». Я толкнул решетку ворот, рывком распахнул ее и добрался до двери дома. Конечно, она была заперта. На ржавом гвоздике справа висел ключ. Я потянулся за ним, схватил, уронил, снова поднял. Снова и снова пытался затолкать его в замочную скважину. Мне до сих пор часто снится: вот я трясущейся рукой заталкиваю ключ в замок, спешу изо всех сил, – и тут что-то кошмарное выносится из темноты: лошадь, волк или Гэри – нижняя часть ее лица разодрана; гортань изорвана в клочья. *Эй, мальши, скажи-ка правду. Ты и вправду считаешь, что я достаточно красива для киносъемок?*

По правде, я, наверное, сражался с замком меньше десяти секунд. Когда дверь открылась, я рванул внутрь так быстро, что ударился о косяк и больно ушибся. Упал на пол – воздух выбило из легких. Я стучал ладонью по половицам, я кричал, я рыдал. Я пнул захлопнувшуюся за моей спиной дверь, а потом свернулся в клубок и завыл. Меня трясло так, словно мое тело только что вынырнуло из проруби.

Мне удалось взять себя в руки только через пару минут. Я встал. На дрожащих ногах прошел вперед, к двери, и через боковое окно выглянул наружу.

С подъездной дорожки смотрели пять лошадей. Они окружили изуродованные останки «Корвета». Они изучали дом глазами цвета болотного тумана. Дальше на дороге я заметил пса. Он бродил вперед и назад: не знающее устали мускулистое средоточие ярости. Кота я не видел – чувствовал. В какой-то миг я услышал его злые вопли, доносящиеся издалека.

Я смотрел на зверей, они уставились на меня. Одна из тварей стояла к дому боком. Жеребец... какой же огромный! По его боку ползли шрамы – застарелые, словно получил он их десяток лет, а не пару часов назад, – и все-таки они были отлично видны на его белой шкуре. В конской плоти ясно проступали вырезанные шрамами слова: *«Иди на хер»*.

Они одновременно заржали, они все. Словно захохотали.

Я прокрался в кухню, к телефону. Гудка не было, как и связи. Линия не работала. Может, в этом виноваты те твари с «Дикой охоты», но я думаю, дело в ветре. Когда дует от пруда, линии электропередач и телефонные линии часто обрывает, поэтому-то в ту ночь я остался и без электричества, и без связи.

Я двигался от окна к окну. Лошади смотрели с дороги. Другие звери ломились в кусты, окружали дом. Я вопил и пытался их отогнать. Орал, что всех убью. Что мы не хотели, что никто из нас не хотел. Лишь последнее утверждение было правдой, как мне кажется сейчас. Никто из нас ничего не хотел.

Я рухнул на диван в гостиной, а когда проснулся – увидел ясное утро и синее небо. Каждая капелька росы сверкала под солнечными лучами, – а создания с «Дикой охоты» исчезли. Впрочем, я все равно не осмеливался выйти из дома. Думал, твари, возможно, спрятались.

Часы перевалили далеко за полдень, когда я наконец отважился дойти до дороги, сжимая в руке большой нож. Мимо, поднимая густую пыль, медленно проехала женщина на «Лендровере». Я бежал за ней, вопя и умоляя о помощи, но она лишь прибавила скорость. Могу ли я ее винить?

Через пятнадцать минут меня подобрала патрульная машина. Они ждали там, где грунтовая дорога выходит к государственному шоссе. Я провел три дня в Медицинском центре штата Мэн в Льюистоне – не потому, что страдал от серьезных ранений; меня оставили под наблюдением, и врачи говорили родителям о «серьезном параноидальном уходе от реальности».

На третий день при родителях и семейном поверенном, собравшихся у моей кровати, я признался копу по фамилии Фоллет, что мы все четверо приняли ЛСД перед самым катанием на карусели «Дикая охота». Где-то по дороге к загородному домику мы столкнулись с животным, вероятно лосем, и Гэри с Нэн, которые не пристегнулись, мгновенно погибли. Фоллет

спросил, кто был за рулем, и поверенный ответил за меня, что Джейк. Я дрожащим голосом добавил, что не смог бы вести машину с механической коробкой передач – чистая правда.

Адвокат рассказал остальное... что Джейк сбросил тела в озеро и сбежал, вероятно, в Канаду, чтобы скрыться от суда и следствия и, вероятно, пожизненного заключения. Наш семейный поверенный добавил, что я тоже стал жертвой – жертвой наркотика, который принес Джейк. Все, что от меня требовалось, – кивать, соглашаться и подписать то, что меня попросили подписать. Полицейского такое вполне устраивало. Он отлично помнил Джейка – не забыл вечер в боулинге, когда Джейк вырубил его приятеля.

Полиция штата Мэн и егерская служба прочесали все дно Магги-Понд в поисках тел, однако ничего так и не обнаружили. В конце концов, водоем был проточным и имел выход в море.

Ни в какой Гарвард я, конечно, не поехал. Не мог выйти из дома. Каждый шаг за порог был для меня словно ходьба по канату на высоте десятого этажа.

Однажды вечером я выглянул из окна спальни и увидел, что с дороги за домом наблюдает лошадь. Она стояла под уличным фонарем, таращась на меня мутными глазами в бельмах; левая часть морды у нее была рябая, а кожа стянута от застарелых ожогов. Через секунду она опустила голову и медленно поцокала прочь.

Гэри думала, что я этим тварям не нужен. Конечно, это было не так. Ведь я же навел подозрения на оператора карусели. Из-за меня завелся Джейк.

Ночами я метался в кошмарах. Подскакивал каждый час, судорожно осматривался – и иногда их видел. Пара лошадей – одной ночью, кот – другой. Они не отводили от меня глаз. Они ждали.

Весной тысяча девятьсот девяносто пятого года меня госпитализировали на десять недель. Выписали психотропные препараты лития, и некоторое время лошади меня не беспокоили. Мне стало лучше. Многие месяцы я лечился у психотерапевта. Снова начал совершать прогулки за пределы дома: первый раз – от парадной двери до почтового ящика, а потом уже и по улице. В конце концов я мог без последствий уходить от дома на несколько кварталов – правда, только при свете дня. В сумерках я по-прежнему испытывал удушье.

Весной девяносто шестого года, с благословения родителей и разрешения моего психотерапевта, я улетел в Калифорнию и провел два месяца с тетушкой, заселившись в гостевую комнату ее дома. Тетушка работала кассиром в банке и была набожной, здравомыслящей и не особенно властной. Она принадлежала методистской церкви; полагаю, родители считали, что рядом с ней я буду в безопасности. Мама гордилась, что я решился на переезд. Отец, полагаю, просто испытывал облегчение от того, что меня удалось вышибить из дома и можно передохнуть от моих нервных приступов и паранойи.

Я получил работу в магазине поношенной одежды. Ходил на свидания. Чувствовал себя в безопасности и иногда даже испытывал покой и довольство. Почти нормальная жизнь. Я стал встречаться с женщиной старше себя, воспитательницей в детском садике, с ранней сединой и сухим мужским смехом. Однажды вечером мы сидели с ней за чаем и кофейным тортом; я потерял счет времени, и когда мы вышли, небо уже окрасилось закатным багрянцем. Пес был там. Он возник на границе парка; стоял и пялился на меня, из его открытой пасти стекала слюна. Моя подруга тоже увидела пса, сжала мою руку и спросила: «Что за чертовщина?» Я выдернул руку и нырнул обратно в кафе – с истошным криком «вызовите полицию!» и воплями, что сейчас умру.

Мне снова пришлось лечь в больницу. Три месяца в отделении, курс электрошоковой терапии. Кто-то прислал мне туда почтовую открытку с видом на пирс в Кейп-Магги и на «Дикую охоту». В письме отсутствовала записка, сама же открытка и была сообщением.

Никогда не думал, что эти создания будут преследовать меня по всей стране. Им потребовалось два месяца, чтобы меня выследить.

В самом начале нового века я поступил в Лондонский университет и перебрался в Великобританию изучать городское планирование. А после выпуска там и обосновался.

Я не написал ни единой пьесы, ни стихотворения. Мой литературный выхлоп ограничился несколькими статьями для технических журналов и был посвящен проблеме городских переносчиков заразы: голубей, крыс, енотов. Меня иногда шутливо называют «наш Живодер». Я специализируюсь на удалении малейших следов животного мира из упорядоченных, созданных из стекла и хрома мегаполисов.

Подобное прозвище не сказать чтобы вызывало романтический интерес окружающих; к тому же и мои личные монстры: панические атаки, глубокий страх темноты – держали меня практически в изоляции. Я никогда не женился. Не имел детей. У меня были приятели, да, но не друзья. Вся дружба образовывалась в пабах и там же и оставалась – и через несколько часов я убредал домой, в безопасную берлогу на четвертом этаже, за прочно запертую дверь, к своим книгам.

Тех лошадей я здесь не видел. Рациональная часть моего сознания утверждала: как бы велика ни была их сила, им не пересечь тысячи миль океана. Тут я в безопасности – от них.

А в прошлом году меня послали на конференцию по городскому планированию, как раз в Брайтон. Днем мне предстояло выступить с докладом по японскому хрущуку и его опасности для паркового хозяйства городов. Пока такси не подвезло меня к крыльцу, я и не догадывался, что отель расположен прямо напротив того знаменитого пирса, с его большой каруселью и мелодиями шарманки: ветер разносил их по всему берегу. Я читал доклад с испариной на лбу и спазмами в животе, мечтая сразу после выступления укрыться в номере. Даже здесь, в отеле, слышалась та музыка, и ее тягучими вкрадчивыми переливами был заполнен весь огромный вестибюль. Я не мог вернуться в Лондон: на следующее утро мне предстояло участвовать в пленарном заседании, – но мог сбежать из отеля хотя бы на какое-то время.

Я шел по берегу, пока пирс не остался далеко позади.

Заказал бургер и пиво; потом еще пиво, в забегаловке на пляже, – успокоить нервы. Я завис там надолго, а когда наконец зашагал вдоль берега в отель, солнце уже касалось горизонта. Я оставлял на остывшем песке следы; соленый ветер теребил шарф и волосы. Я шагал, едва не переходя на бег.

Позволил себе замедлиться и перевести дыхание, только когда в поле зрения появился отель. Колело в боку; в легких жгло и горело.

Что-то заворачалось в воде. Что-то большое.

Я лишь на миг заметил хвост – длинный, больше двух метров. Сверкающий черный шнур, толстый, как ствол дерева. Вот на поверхности показалась голова, золотая с прозеленью, похожая на эмалированный доспех; с глазами яркими и слепыми, точно монеты, – а затем существо снова ушло под воду. Я не видел его больше двадцати лет, но узнал морского змея из «Дикой охоты» с первого взгляда, в один миг.

Они никогда не оставят меня в покое.

Я вернулся в номер; в туалете меня вырвало бургером и пивом, а потом всю ночь знобило и заливало холодным потом. Я не спал. Не мог. Стоило закрыть глаза, как комната начинала вращаться, словно набирающая разбег карусель. Круг за кругом, а потом еще... круг за кругом... на брайтонском пирсе играет музыка, срываются в галоп золотые всадники, шарманка выдает бешеный фокстрот, визжат дети – а от смеха или от ужаса, я вам сказать не могу.

Теперь для меня это уже неважно.

Станция Вулвертон

Сондерс увидел первого волка, когда поезд втягивался на станцию Вулвертон.

Он поднял взгляд от «Файнэншл таймс», и вот, пожалуйста: на платформе обнаружился волк шести футов высотой, в кепке, пристроенной между щетинистыми седыми ушами. Волчара в строгом плаще стоял на задних лапах и в одной передней лапе держал портфель. Пушистый хвост – предусмотрительно выпущенный наружу через прорезь в брюках – нетерпеливо хлестал по бокам. Поезд еще двигался, и миг спустя волк скрылся из виду.

Сондерс издал короткий беззвучный смешок и сделал самое разумное – вернулся к газете. Подумаешь – волк на железнодорожной платформе ожидает поезда. На следующей станции, возможно, появится дьявол. Очень даже вероятно. Чертовы демонстранты торчат на всех станциях от Лондона до Ливерпуля и устраивают костюмированные шествия – надеются попасть в новости.

Они толпились перед входом в его лондонский отель – слипшаяся кучка придурковатых детишек; они маршировали по тротуарам и вылезали на проезжую часть. Управляющий предлагал солидному гостю номер с окнами во двор, хотел избавить от такого зрелища; однако Сондерс выбрал тот, окна которого выходили непосредственно на театр событий. Все интереснее, чем британское телевидение. «Волков», правда, он среди активистов не заметил, зато там имелся парень на ходулях в костюме Дяди Сэма: из застежки штанов свисал метровый резиновый член. Лицо у Дяди Сэма было злым и гадким, а пенис – розовеньким, чистым, бодро подпрыгивающим при движении. Персонаж стискивал двумя руками плакат:

ДЯДЯ СЭМ НАССАЛ В ЧАШКУ,
А МЫ, АНГЛИЧАНЕ, ДОЛЖНЫ ПИТЬ.
НЕТ «ДЖИМИ-КОФЕ»!
НЕТ ДЕТСКОМУ РАБСТВУ!

Вот тут Сондерс засмеялся: ему страшно нравилось, как их мотает между праведным гневом и дебилизмом. «Нет детскому рабству!»? А как же тогда знаменитая британская система образования?

Остальные протестующие – компания возмнивших о себе невесть что модников – тоже несли плакаты собственного производства. Не такие забавные. На фотографиях рядом с кофейными деревьями застыли босые и полураздетые черные детишки: они тускло смотрели в объектив, на глазах слезы, словно дети только что отведали кнута надсмотрщика. Сондерсу уже попадались эти кадры, попадались слишком часто, чтобы вызвать настоящий гнев, разве что раздражение – даже если плакаты увековечивали наглую ложь. «Джими-кофе» не использовал на кофейных плантациях детский труд – ни сейчас, ни раньше. На перерабатывающих фабриках – да, есть такое дело, но не на плантациях. И на этих фабриках куда лучше с гигиеной, чем в тех жалких лачугах, куда дети возвращаются с работы домой.

Ненавидеть демонстрантов у Сондерса не выходило: ни пылких страстных прихиппованных девиц с Че Геварой на обдерганных футболках и с голым пузом под портретом товарища команданте; ни стильно неопрятных юношей в сандалиях. Сейчас они все протестуют, а через три года те же девчонки покатают детские коляски, и полчаса в «Джими-кофе», чтобы быстренько пересечься с подружками, у которых такие же коляски, и немножко посплетничать, будет для них отдушиной посреди суматошного дня.

А нынешние юнцы, замызганные, неухоженные, сбреют бородки и активно займутся поисками вакансий руководителей среднего звена. Они каждое утро станут забегать в «Джими-кофе» по дороге на работу, заказывать двойной эспрессо, без которого не пережить долгий нудный день (каждый последующий – еще скучнее, чем предыдущий). И если подростки маль-

чики позволят себе задуматься о времени, когда выходили с плакатами, протестуя против появления «Джими-кофе» на британских берегах, это вызовет у них недоуменную краску стыда за свой собственный неуместный и бессмысленный идеализм.

Вчерашним вечером под окнами отеля толклось едва ли больше десятка человек; чуть побольше – пара десятков – несли вахту перед главной точкой на Ковент-Гарден, где утром ожидалась грандиозная церемония открытия. Небогато. Большинство прохожих вообще их не замечали. Те же немногие, кто обращал внимание, сразу натыкались взглядом на розовый резиновый член Дяди Сэма, судорожно подергивающийся, как отвратительный мясистый маятник напольных часов (или половых?). Только это и задержится в памяти – Дядя Сэм и его украшение. Сондерс сомневался, что пресса уделит много места демонстрантам и их чаяниям: разве что расщедрится на крошечную заметку в бизнес-разделе «Таймс». Возможно, в заметке появится что-нибудь сказанное кем-нибудь про кофейный бизнес Джими: бизнес, которому сам Сондерс немало помог развиваться.

Собственно, фирма Джими вела свой бизнес очень просто: они искали очередную семейную кофейню с хорошей репутацией и открывали напротив свое заведение. Кофейни Джими могли работать в убыток месяцами – даже годами, при необходимости, – столько, сколько нужно, чтобы выдавить конкурента из бизнеса и переманить его клиентов. Остальные считали это беспределом, почти нарушением закона – даром что в семейных кофейнях обычно подавали вместо кофе водянистую бурду в крошечных чашечках и не трудились поддерживать в уборной чистоту.

Что до детского труда, протестующие его осуждали, однако вполне были готовы примириться с тем, что эти дети голодают, потому что не имеют никакой работы вообще.

Сондерс не мог ненавидеть демонстрантов – слишком хорошо понимал образ их мыслей. Когда-то он и сам участвовал в протестах, курил траву, срывал одежду на рок-концертах и даже совершил вояж в Индию. Он уехал за границу в поисках трансцендентного – за мантрами, за смыслом, – и черт его знает, как бы сложилось, не найди он желаемое. Три недели он провел в горном монастыре в Кашмире – там сладкий воздух благоухает бамбуком и терпким цветом апельсиновых рощ. Юный Сондерс гулял босиком по древним камням, медитировал под монотонный звон поющей чаши и распевал гимны с остальными болванами, которые там собрались. Он отдавал этому всего себя, желая познать чистоту и постичь истинную любовь; он даже отринул привычную пищу и перешел на местную еду: ежедневную горстку мучнистого риса – со вкусом отсыревшего школьного мела – и тарелку какой-то дряни, похожей на розги под соусом карри. А затем наступил день, и Сондерс наконец обрел мудрость, которой так чаял.

Его звали Джон Тернер, тощий парень из Колорадо с волосами цвета воронова крыла. Это он показал Сондерсу путь к высшей цели. Никто не молился дольше или неистовее Джона; он выдерживал все медитации с наставником, когда требовалось обнажиться до пояса и неподвижно сидеть долгие часы. Джон сидел, и сквозь болезненно бледную кожу проступали ребра. Считалось, что нужно сосредоточиться на чем-то прекрасном, на чем-то, что наполняет счастьем. Сондерс пытался представить лепестки лотоса, водопады, океан, свою подружку из Сан-Диего голышом... Тщетно. Джон явно нащупал верный путь: его длинное, лошадиное лицо воодушевленно сияло. Даже пот его пах чистотой и счастьем. В конце концов, к исходу третьей недели, Сондерс спросил Джона, какой образ витает перед его мысленным взором.

– Ну, – произнес Тернер, – нам же велели сосредоточиться на чем-то замечательном? Вот я и представляю королевский, мать его, гамбургер... такой, знаешь, с сыром. И как я впиваюсь в него зубами... М-м-м. Как только окажусь дома, немедленно закажу. Еще пара дней такой диеты... все эти ветки с перцем... Думаю, у меня пакет из «Макдоналдса» прямо тут материализуется.

Сондерс отправился в Индию, неся в сердце любовь к блондиночке по имени Дини, к «Белому альбому» группы «Битлз» и к индийской марихуане. К тому моменту, когда он вер-

нул к себе в Сан-Диего, Дини вышла замуж за фармацевта, Пол Маккартни уехал в тур со своей личной группой, а Сондерс докурил последний косяк и разработал план. Ну, может, не план, а так, понимание. Реальность чуточку развернулась и показала некоторые из своих сумрачных уголков. И то, что в них водится. Сондерс открыл для себя универсумы – например, всемирное тяготение или двойственную природу света. Не суть важно, куда вы направляетесь; не суть важно, какие древние здесь обычаи, величественное прошлое или великолепный ландшафт, – в любой точке пространственно-временного континуума найдется местечко для гамбургера-другого. Созерцание лотоса способно привести в Нирвану, – но это слишком длинный путь, и стоит вам отдалиться от старта на пару миль, как вам сразу хочется обнаружить природолюбную закусь. Что вполне естественно.

Через три года после возвращения из Кашмира Сондерс уже приобрел франшизу на пять «Бургер Кингов», и высокое начальство желало знать, как это его рестораны получают на шестьдесят пять процентов прибыли выше, чем в среднем по стране. (А трюк был очень прост: открывать точки рядом со скейт-парками, пляжами, универмагами, и чтобы окна нараспашку – пусть запах жареного мяса разносится во все стороны, заставляя всех исходить слюной). Еще через тринадцать лет Сондерс и сам стал высоким начальством, обучая представителей «Данкин Донатс», как им обогнать «Старбакс». (А очень просто: публике надо показать конкурентов снобами и задаваками-чужаками, а себя – отличными парнями, своими в доску. И Боливар не вынесет двоих.)

Когда «Джими-кофе» предложил ему семизначное жалованье за помощь в реструктуризации и за превращение в международную франшизу, Сондерс раздумывал меньше суток. Ему особенно пришлась по вкусу идея вывести «Джими» на мировой рынок: она давала самому Сондерсу возможность путешествовать – за прошедшие после Индии годы он едва ли вообще покидал Соединенные Штаты. Может быть, удастся даже открыть заведение «Джими» в Кашмире, прямо через дорогу от его старого монастыря. Взыскатели мудрости наверняка оценят вегетарианское меню, а ванильный капучино сделает рассветные песнопения куда более лакомыми. Если речь заходит о точке внутреннего покоя, то глубокое умиротворение и дзен в подметки не годятся запаху хорошего кофе. Среднестатистический американский буддист может обойтись без ежедневных занятий йогой, но отнимите у него кофе – и через мгновение вы получите дикого зверя.

Сондерс перевернул газетную страницу и снова покосился на платформу.

Поезд несколько раз дернулся и наконец встал. Сондерсу отсюда больше не было видно шутника в костюме волка, состав проехал дальше по перрону. Сондерс занимал кресло в вагоне первого класса – самом первом после локомотива – и видел только краешек платформы. Между двумя каменными столбами висел металлический знак: «Станция Вулвертон». Хорошо, что у большинства протестующих едва хватало денег на ватман, скотч и фломастеры для плакатов; последнее, чего желал бы Сондерс, – это разделить вагон первого класса – сейчас пустой – с каким-нибудь щенком, переодетым в злого волка.

Впрочем, нет, подумал Сондерс. Плевать. Пускай, пускай приходит прямо сюда и садится рядом. Пусть сидит здесь в своем костюме с дыркой на заднице и морочит мне голову насчет бедных чернокожих детишек, страдающих под знойным африканским солнцем на кофейной плантации. А я ему заявлю, что мы не нанимаем детей на сбор и что «Джими-кофе» ежегодно предлагает полную оплату образования десятерым детишкам из стран третьего мира. И затем спрошу, сколько таких стипендий учредил в прошлом году его любимый замечательный «местный производитель» и где он покупал сырье для своего паршивого кофе? Небось молча закупались у самоанских работяг и не отвечивали. Да, и еще поинтересуюсь, когда все эти активисты предполагают выходить с пикетами против них.

В годы своей работы на «Бургер Кинг» он заработал прозвище «Дровосек» – ведь когда возникала необходимость выполнить неприятную работенку, Сондерс никогда не брезговал

рубить по живому. Он не сколотил себе особого состояния; самой крупной его собственностью был дом на двадцать акров в Нью-Лондоне, штат Коннектикут, и еще один, на тропическом островке, да яхта, которая перемещала владельца между двумя названными пунктами, позволяя сохранять разумный баланс. Однажды он уволил женщину на девятом месяце беременности, жену близкого друга, объявив об этом эсэмэской в два слова: «Пошла вон!» Он закрыл изрядно перерабатывающих фабрик, выкинув за ворота несколько сот рабочих; он стоически перенес, когда краснолицая трясущаяся старуха назвала его на идише «бессердечным членосом»: ведь ее небольшая сеть кошерных кофеен не выдержала конкуренции с «Джими-кофе». Собственно, именно для того «Джими» его и нанял: ему требовался дровосек – а самый острый топор в лесу принадлежал ему, Сондерсу. В двадцать лет Сондерс был горячим сторонником любви и мира, и ему нравилось думать, что остался таковым до сих пор, но с годами он все-таки распробовал соленый, ржавый вкус крови. И теперь без него не мог. Равно как и без кофе.

Поезд долгое время стоял: достаточно долго, чтобы Сондерс отложил газету и снова выглянул из окна. Первый раз после отправления поезда с Юстонского вокзала он разозлился на самого себя. Почему, черт возьми, он не арендовал автомобиль? Ехать поездом – импульсивное, сентиментальное решение. Он не был в Англии со времен учебы в колледже. Тогда он провел в Великобритании две недели – на первом этапе кругосветного путешествия, которое в конце концов привело его в ту разваливающуюся грудку камней в обдуваемых ветрами горах Кашмира. Он приехал в Англию, потому что здесь были «Битлз»: ведь если бы не они, то подростком он вполне мог свести счеты с жизнью – в те кошмарные дни, когда отец бросил маму. Сондерс прибыл в Лондон, мечтая *ощутить* «Битлз» так или иначе; его не отпускало желание прикоснуться к кирпичам знаменитого ливерпульского клуба «Пещера», как если бы музыка, которую они когда-то там исполняли, все еще отдавалась бы в теплой красной глине клуба. Сондерс направился на вокзал, протолкался в вагон уходящего на север поезда и несколько часов провел на ногах в жаре и духоте, почти прижатый к девушке из Эдинбурга с каштановыми волосами и в голубых джинсах. Они познакомились уже в вагоне и пока доехали до Ливерпуля, юный Сондерс почти потерял от нее голову. Вероятно, это было счастливейшим воспоминанием в его жизни, – и именно поэтому он так хотел ехать сейчас поездом.

Сондерс старался не вспоминать, что произошло *после* того, как он вышел на перрон. Они с девушкой из Эдинбурга попрощались, договорившись вечером встретиться в «Пещере». Сондерс зашел в местный семейный ресторанчик – съесть тарелку рыбы с картошкой, – однако рыба оказалась жирной и прогорклой, и он провел весь вечер и ночь в испарине и ознобе, валяясь на койке в хостеле и будучи не в силах встать. В последующие дни живот продолжало крутить, как если бы Сондерс залпом выпил чашку особенно горького кофе, и он не рисковал отойти далеко от унитаза. Его не отпускало мрачное ощущение, что организм теряет не только нечистоты, но и нечто важное. Когда наконец через несколько дней он добрался до «Пещеры», девушки из Эдинбурга там, разумеется, не было и местная группа наяривала что-то дурацкое в стиле диско. Бранч в «Джими-кофе», открывшемся тогда и в Ливерпуле, не то чтобы исправил ущерб, нанесенный здоровью порченой рыбой из семейного заведения, но послужил некоторым утешением.

Платформа была залита флуоресцентным светом – за ее пределами ничего не различишь. Сколько они уже здесь стоят? Такое впечатление, что целую вечность. Хотя нельзя сказать, что поезд просто стоял. Пол под ногами у Сондерса ходил ходуном, словно в следующий вагон затаскивали что-то невероятно тяжелое. Издалека слышался пронзительный мужской голос – надрывный, постепенно затихающий, странно истерический. «Прекратите! – вопил он. – Что вы... Прекратите немедленно!» Сондерс почему-то представил двух грузчиков и огромный саквояж, и как на них орет проводник – вполне понятно, это же не товарный поезд. Вот вскрикнула женщина – засмеялась? – громко, истошно... потом ее голос затих. Сондерс уже почти

совсем решил встать и пройти по вагону: надо же посмотреть, что там происходит, – но тут поезд дернулся, что-то громко хлопнуло, и фонари стали уходить назад.

В тот же момент Сондерс услышал, как за его спиной открылась дверь в вагон первого класса. Раздался стальной щелчок.

Ну вот, с некоторым даже мрачным удовольствием подумал он, *дождался*. Этот... демонстрант.

Сондерс не оглянулся, чтобы убедиться в собственной правоте. Некоторое время спустя он все-таки покосился через проход и увидел в оконном стекле тусклое расплывчатое отражение: высокий парень с острыми ушами немецкой овчарки. Сондерс отвел взгляд и снова уткнулся в газету, делая вид, что увлечен чтением. Если кто-то вырядился подобным образом, он просто мечтает, чтобы его заметили, и надеется на реакцию. Сондерс не имел желания этому потакать.

Новый пассажир первого класса шел по проходу, часто и напряженно дыша – ничего странного, если у тебя на лице резиновая маска. В последний момент до Сондерса дошло: зря он занял место не в проходе, а у окна. Сиденье слева осталось пустым – своего рода приглашение. Он подумал, не пересест ли к проходу. Однако нет, сейчас слишком поздно, и демонстрант сочтет это подтверждением испуга. Перебьется. И Сондерс не двинулся с места.

И, естественно, демонстрант занял пустое кресло рядом, усевшись с тяжелым выдохом удовлетворения. Сондерс велел себе не смотреть, но все же боковым зрением замечал кое-какие подробности: маску волка, закрывавшую всю голову, меховые перчатки и пушистый хвост, который явно управлялся скрытой проволокой, настолько естественно он сдвинулся набок, когда новый попутчик сел. Сондерс едва заметно выдохнул через стиснутые зубы и поймал себя на том, что ухмыляется. Так он реагировал, когда предстояла схватка, – и знал это за собой. Первая жена утверждала, что он похож на Джека Николсона с топором – в том фильме ужасов. Она тоже звала Сондерса Дровосеком – поначалу робко и нежно, потом со злобой и презрением.

Новый пассажир повозился, устраиваясь удобнее, и волосатая перчатка мазнула руку Сондерса. Этого простого прикосновения хватило, чтобы Сондерс впал в привычное бешенство. Он отогнул уголок газеты и уже открыл рот: сказать чертову клоуну, чтобы держал свои грабли подальше, – как вдруг дыхание у него перехватило. Легкие сжались. Он смотрел. Он смотрел изо всех сил и не мог найти смысла в том, на что смотрит. Он изо всех сил заставлял себя увидеть того самого демонстранта в резиновой маске волка и темном плаще. Он настойчиво *уверял* себя, что видит именно это, и несколько отчаянных секунд пытался соотнести ожидаемое и совершенно невозможную реальность, которая била в глаза. Однако никакого демонстранта здесь не было. Больше всего на свете Сондерс желал, чтобы это оказался демонстрант.

В кресле рядом с ним сидел волк.

А если и нет, то сидящее в соседнем кресле существо куда больше походило на волка, нежели на человека. Почти человеческое тело с выпуклой грудной клеткой, снизу резко обрубленной и переходящей в узкую талию и потом впалый живот. Однако вместо рук у существа были лапы, поросшие серой шерстью. В лапах оно держало экземпляр «Файнэншл таймс», и когда переворачивало страницу, по бумаге громко скребли желтые изогнутые когти. Длинная поджарая морда заканчивалась черным мокрым носом. Волк практически уткнулся этим носом в газету. Над нижней губой вылезли потемневшие клыки. Уши – чуткие, покрытые шерстью – гордо торчали вверх; между ними ютилась кепка. Одно из этих ушей вытянулось в сторону Сондерса, словно спутниковая тарелка, вращающаяся в поисках сигнала.

Сондерс вцепился в свою газету. Это единственное, что пришло ему в голову.

Волка по-прежнему загораживала бумага, однако он склонился к соседу и произнес роко-чушим басом:

– Надеюсь, обед будут развозить. Я бы не отказался от куска-другого мяса. Хотя, конечно, на этом маршруте они требуют сумасшедшие деньги за тарелку дрянного собачьего корма. Не моргнув глазом.

У него было такое же зловонное дыхание, как у пса. Сондерс весь облился потом, жарким, странным, отвратительным потом, совсем непохожим на ту легкую испарину, которая выступала на коже после занятий на беговом тренажере. Этот пот был желтым, химическим, едким, – он обжег даже брови, он стекал по бокам.

Волчья морда собралась складками; зверь сморщил черные губы и показал два ряда кинжально изогнутых зубов. Зевнул, и неожиданно яркий красный язык вывалился из пасти, – и если до сих пор у Сондерса еще и оставались какие-либо сомнения, то сейчас их не осталось – совсем. В следующий момент он удержал самообладание, выиграв отчаянную, тяжкую борьбу. Нельзя показывать ни малейших признаков страха! Это как с желанием чихнуть. Иногда получается удержаться, иногда нет. Сондерс удержался.

– Вы американец? – спросил волк.

Не отвечай! Не говори с ним!

Сондерс даже не узнал свой собственный внутренний голос, – так панически, так пронзительно тот звучал. И все-таки он ответил, и голос его не выдал, он был таким же ровным и суховатым. Он даже услышал собственный смешок.

– Да. Точно. Простите, можно вас побеспокоить? Мне надо в уборную.

Говоря это, он уже наполовину привстал. Напротив их с волком кресел располагался заляпанный пластиковый столик, и места, чтобы просто встать и выйти, не было.

– Разумеется, – сказал волк.

Точнее, он сказал «р-разумеется», с некоторым даже ливерпульским акцентом, как-то машинально отметил Сондерс. Болельщики Ливерпуля, «красные». Они называют себя «красные». Почему он раньше не вспоминал Красную Шапочку? И ее бабушку, которую сожрал дикий волк?

Бизнесволк изогнулся и пропустил Сондерса.

Сондерс протиснулся мимо него к проходу, оставив на сиденье портфель и восьмисот-долларовое пальто. Он хотел избежать всяческого контакта с существом, что, конечно, оказалось невозможно, и они таки задели друг друга коленями. И всем, что ниже.

Реакция Сондерса совершенно от него не зависела. На уроке биологии в шестом классе они проводили эксперимент на внутренностях мертвой лягушки, касаясь нервов пинцетом и наблюдая, как дергается лапа. Вот и сейчас словно сталь надавила прямо на нервные окончания. Страшно. Сондерс совладал с голосом, но не с телом. Он не сомневался, что сейчас его собственная атавистическая реакция наложится на чужую, и волк в деловом костюме ощутит волну страха, дернется Сондерсу навстречу, сграбастает когтями за пояс, нанесет удар... вот оскаленная морда вгрызается в незащищенный живот, выедавая нутро будто из хеллоуинской тыквы.

Однако волк в деловом костюме лишь низко рыкнул и еще больше изогнулся, чтобы выпустить Сондерса.

Сондерс выпал в проход. Повернул влево и пошел – пошел, не побежал! – по вагону назад. Первая часть плана заключалась в поиске людей. А вторая – вторую он пока не разработал. Он смотрел прямо перед собой и следил за дыханием, в точности как его учили в Кашмире – как давно это было, сколько всего он испытал с тех пор! Медленный вдох сквозь полуоткрытые губы. Резкий выдох через ноздри. Он четко сказал себе: позволить, чтобы в английском поезде меня сожрал какой-то волк? Ни за что! Подражая музыкантам из «Битлз», Сондерс отправился в Индию юнцом – за мудростью и мантрами – и вернулся несолоно хлебавши. Однако на подсознательном уровне он не переставал надеяться, что когда-нибудь обретет хотя бы одну формулу существования: формулу, что позволит собрать силу, снискать надежду и ясность в

понимании вещей. Сейчас, в шестьдесят один, он наконец нашел заклинание, с которым жизнь обретала смысл. Позволить, чтобы в английском поезде меня сожрал какой-то волк? Ни за что!

Вдох... выдох... с каждым шагом междвагонная дверь приближалась. Всего восемь шагов – и вот он уже нажимает кнопку. Загорелась зеленая лампочка, и перегородка скользнула вбок.

Стоя на пороге, Сондерс заглянул в следующий вагон. И увидел кровь. Красный смазанный отпечаток ладони в центре окна – и грязно-бурый потек по пластмассе. Еще красные мазки тут и там – словно на полотнах абстракциониста; они вели от окна прямо через проход. Много крови. Кровь даже на потолке.

Сондерс заметил сперва кровь, а волков – уже потом. Их было четыре особи, они сидели по двое.

Одна пара – справа, у заднего конца вагона. Волк, сидящий у прохода, был одет в черный спортивный костюм с синими полосами – в честь какой-то команды. Возможно, «Манчестер Юнайтед», подумал Сондерс. Второй, у окна, нацепил поношенную белую футболку с рекламой альбома *Wolfgang Amadeus Phoenix*. Волки передавали друг другу салфетку, на которой лежало что-то круглое и коричневое. Шоколадный пончик, решил Сондерс, – он страшно желал, чтобы это был именно шоколадный пончик.

Вторая пара сидела по левую руку и гораздо ближе к нему, всего в двух-трех метрах. Тоже бизнесволки, хотя одетые не так изысканно, как седой волк в вагоне первого класса: в мешковатые, плохо отглаженные черные костюмы и одинаковые красные галстуки. Один посматривал в газету, но не «Файнэншл таймс», а «Дейли мейл». Его крупные черные мохнатые лапы оставляли на дешевой бумаге красные отпечатки. Мех вокруг пасти весь в красных пятнах – морда была измазана в крови практически по глаза.

– Слышь? Пишут, Кейт Уинслет порвала с чуваком, который снял «Красоту по-американски», – произнес волк с газетой.

– А что ты так на меня зыришь, – ответил второй. – Я тут ни при чем.

И они оба затаивались – весело, игриво, с подвизгиваниями, как щенки.

В вагоне имелся еще один пассажир: женщина, человеческая женщина, не волчица. Она неуклюже раскинулась поперек сиденья, бесстыдно выставив в проход правую ногу. Черный чулок на ней, насколько Сондерс мог разглядеть, был очень сильно изорван. Нога стройная, привлекательная – нога молодой девушки. Сондерс не видел лица – да и не хотел. С ноги слетела туфелька и валялась теперь в куче потрохов посреди прохода. Он заметил грудку кишок в последний момент: поблескивающую кучку жирных белых завитков, слегка кровавых. Один такой длинный завиток уходил к телу и нырял в живот. Туфелька смотрелась надгробием на могиле; черной свечкой на чудовищном именинном торте. Сондерс вспомнил, как долго они стояли на станции Вулвертон и как задний вагон сотрясало, словно в него грузили что-то тяжелое – или отчаянно сопротивляющееся? Вспомнил надрывный вскрик женщины и как мужчина умолял: «Не надо!» А он слышал только то, что хотел услышать. Возможно, именно так в жизни всегда и бывает.

Бизнесволки его не заметили – в отличие от двух других. Тот, что в белой футболке, толкнул локтем любителя «Манчестер Юнайтед»; они значительно переглянулись и подняли морды, словно нюхая воздух.

Вольфганг Амадей окликнул:

– Эй! Эй, мужик! Пришел потолковать с нижним классом? Давай сюда!

Манчестер Юнайтед отрывисто фыркнул от смеха. Он только что отправил в рот «шоколадный пончик» из белой салфетки, набив пасть. Только не салфетка это была, и не пончик. Сондерс велел себе: прекрати себя обманывать. Смотри и слушай, от этого зависит твоя жизнь. Не пончик и не салфетка. На окровавленном носовом платке лежал кусок печени. Дамский носовой платок, отделанный по краю кружавчиками.

Сондерс застыл на пороге, все еще со стороны вагона первого класса, не в состоянии сдвинуться с места. Словно заключенный в спасительную пентаграмму чародей. Он замер внутри, а снаружи беснуются демоны. И от смерти отделяет только эфемерная граница. Он забыл, что надо дышать правильно – он вообще забыл дышать. Легкие скрутило спазмом; они не хотели больше пропускать воздух. Интересно, заторможенно подумал Сондерс, можно ли задохнуться от ужаса и неспособности дышать?

Дверь между вагонами начала закрываться. Перед самым щелчком волк в костюме с «Манчестер Юнайтед» задрал морду к потолку и издевательски завыл.

Сондерс отошел от двери. Он похоронил родителей и сестру – та умерла неожиданно, в двадцать девять, от менингита; он побывал на похоронах десятка акционеров; однажды он наблюдал, как человек падает с сердечным приступом во время хоккейного матча. Но ему никогда не приходилось видеть вываленные на пол кишки и изрисованный кровью железнодорожный вагон. Однако сейчас он не испытал тошноты, не издал ни единого звука, не бросил лишнего взгляда. У него только ослабели руки, заledenели пальцы и в ушах раздался звон. И очень хотелось присесть.

Дверь в туалет была слева. Сондерс уставился на нее пустым взглядом и бездумно нажал кнопку. Дверь открылась; в лицо ударил страшный, перебивающий дыхание смрад. Последний посетитель не удосужился за собой смыть. Мусорная урна рядом с умывальником была переполнена, и туалетная бумага – сырая, грязная – валялась на полу. Сондерс всерьез подумал зайти внутрь и запереться. И не сдвинулся с места, – а когда дверь закрылась сама по себе, он по-прежнему стоял в проходе вагона первого класса.

Тесный туалет мог стать гробом – к тому же предельно вонючим. Зайди Сондерс туда, он никогда не выбрался бы наружу, так бы и умер там. Быть разорванным волками, сидя в уборной и вызывая о помощи, – нет уж. Ужасный, одинокий, убогий конец – конец не только жизни, но и достоинства. Сондерс не мог рационально объяснить свою уверенность в том, что они заберутся внутрь при запертой двери, – он просто знал, знал это так же, как дату рождения или номер своего телефона.

Телефон. Можно же позвонить, сообщить, что он попал в беду. Угу. «Спасите, я в поезде с вервольфом». Холодная, окованная рука нырнула в карман брюк, уже зная, что телефона там нет. И не было. Его телефон остался в кармане восьмисотдолларового пальто – пальто для лондонских туманов. Теперь, здесь, все оценивалось иначе, и все мелочи приобретали особенное значение. Телефон тоже канул в лондонский туман. Чтобы добраться до него, требовалось вернуться на свое место, протиснуться мимо бизнесволка, – что еще маловероятнее, чем обрести укрытие в туалете.

В карманах не имелось ничего, что сейчас могло бы ему помочь: несколько двадцатифунтовых банкнот, билет, карта железнодорожного маршрута. Дровосек оказался в лесной чаще без своего топора, даже без швейцарского армейского складного ножа – хотя что бы он с ним делал? Сондерс представил картину: вот волк в кепи набрасывается на него со спины, валит наземь; вот к лицу приближается волчья морда, и он ощущает зловонное дыхание. Представил – и содрогнулся. И что, бороться за жизнь, суматошно размахивая жалким перочинным ножиком? В горле зародился смех, и Сондерс затолкал его назад, осознавая, что это не веселье, а самая настоящая истерика. Пустые карманы, пустота в голове. Нет. Подождите. Карта. Он торопливо вытащил из кармана карту и развернул ее. Перед глазами расплывалось, он ничего не видел. Пришлось сделать усилие, – при всех своих недостатках Сондерс всегда умел взять себя в руки. Он нашел Ливерпульскую ветку и повел по ней пальцем на север от Лондона, выискивая следующую после Вулвертона остановку. И неважно, сколько до нее осталось.

Вулвертон располагался в двух третях пути от Лондона. Однако на карте значился не Вулвертон, а Вулферхэмптон. Сондерс быстро моргнул, пытаясь прояснить зрение. Возможно, на станции он просто неправильно прочитал дорожный указатель, и там так и значилось –

Вулферхэмптон. Как бы то ни было, следующая остановка Фоксбиф. Что же получается, на станции будут ждать лисы? Сондерс почувствовал, что к горлу опять подступает истерический смех – как желчь, – и заставил себя сглотнуть. Смех сейчас так же смертельно опасен, как визг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.